

МИХАИЛ СИДОРОВ

**ЗАПИСКИ
НА КАРДИОГРАММАХ**

Михаил Валерьевич Сидоров

Записки на кардиограммах

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=646735

Михаил Сидоров. Записки на кардиограммах: АСТ; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-123478-2

Аннотация

Двадцать пять лет на «Скорой». Двадцать семь тысяч больных. Без счёта родственников, окружающих и случайных прохожих, словом, людей с которых, в силу обстоятельств, слетело всё напускное – вполне хватит составить мнение о сегодняшнем социуме. Очень многие будут от него не в восторге, но прежде чем бросаться эпитетами, пусть прикинут сколько б они продержались на этой тяжёлой, грязной, абсолютно необходимой и абсолютно неблагодарной работе. Работая не за страх, а за совесть и зная при этом куда они шли!

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Записки на кардиограммах	8
Часть первая	8
Отступление	43
Часть вторая	83
Часть третья	163
Часть четвёртая	179
Коротко напоследок	214
Часть пятая	216
Часть шестая	251
Часть седьмая	280
Выписной эпикриз	303
Хроники неотложного	305
Лето	306
Конец ознакомительного фрагмента.	308

Михаил Сидоров

Записки на кардиограммах

© Сидоров М.В., текст, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

*** * ***

А эти записки велись без малого двадцать лет, главным образом для того, чтобы «травить пар», сбрасывать негатив после вызова. Быть может, потому они получились экспрессивными настолько, что немногочисленную в сравнении с иной современной прозой ненормативную лексику в них многие воспринимают как поток сплошной нецензурщины.

Так или иначе, но объединенные в книгу, они со временем

станут документом, отражающим психологию людей эпохи двойных стандартов и тотального потребления, – своего рода портретом больного общества, который рано или поздно все же заставит задуматься о том, кто мы, откуда, куда идем.

* * *

*Патологическим, но обратимым процессам
посвящается*

* * *

Предупреждение!

Это не памфлет.

Это не пасквиль.

Не фельетон, не сатира, не прокламация.

Здесь нет жалоб, самолюбований и желания возвышаться.

Это – констатация фактов.

Голых, имевших место.

Так было.

Фактически – зеркало, чуть замутнённое спокойным презрением к мудакам.

Поэтому нефиг!

«Вы знали, куда вы шли!» и «Не нравится – увольняйтесь!» не катят.

Вняли?

Отлично!

Рассаживайтесь поудобней...

Записки на кардиограммах

Часть первая ...В ЯСНОМ СОЗНАНИИ...

Эмоции, наблюдения, случайные мысли. Кардиограммы, в силу привычки, кладёшь в нагрудный карман и после вызова – не всегда, ясное дело, а так, время от времени, – царапнешь на обороте карандашом. Утром перепишешь, сотрёшь каракули с ЭКГ и сдашь, пришилив её к карте вызова.

Так год.

Два.

Десять.

Двенадцать.

А потом, оказывается, у тебя этого добра – завались!

«Но ведь это правда, рейхсфюрер...»

Шелленберг – Гиммлеру. Первая серия

Замглав по «Скорой».

Путает ИВЛ с ВВЛом¹.

¹ ИВЛ — искусственная, ВВЛ — вспомогательная вентиляция лёгких.

Не видит разницы между клинической и биологической смертями.

Лезет в укладки, считает ампулы, сверяет со списком.
Найдя заначки, рисует выговоры.

Заслуженный врач РФ.

На «Скорой» не работал ни дня.

Ей-богу, не вру!

Менты пьют. Зверски. А прокуроры – те ещё круче. Те, кто выживет, станут к старости каяться, раздирая перед людьми рубища... Впрочем, я, скорее всего, наивен.

При просьбе лечь на спину, девять пациентов из десяти поворачиваются спиной вверх.

Вечерний звон.

Прорвало.

Весь стол в адресах.

И всем – срочно. Немедленно. Иначе Матвиенко, рай-
здрав и горячая линия.

Час.

Второй.

Третий.

Диспетчер вдруг стекленеет, блуждая зрачками с телефо-
на на телефон. Те надрываются.

Минуту.

Полторы.

Две.

Диспетчер начинает смеяться.

Ему откликаются.

Во время осмотра могут:

– рыгать;

– пердеть;

– ковырять: а) в носу, б) в зубах, в) в гениталиях;

– говорить по телефону;

– смотреть телевизор;

– курить.

Они дома, хули.

А когда в поликлинике – ну совершенно другие люди!

Отказ от госпитализации.

«О возможных последствиях предупреждён». Подпись.

Думаете, всё?

Полагается ездить, проверять состояние.

Себестоимость вызова – три косяря.

Ну?

Шесть кусков.

Девять.

Двенадцать.

О-па! Созрел и хочет в больницу. Больницу при этом хочет получше.

Рассказывал коллегам в Европе – о...ували.

Коммуникабельный журналист: В двух словах – как вам нацпроектские «газели»?

Врач с большим стажем: У...бища.

Часто посреди ночи, прикоснувшись, участливо спросят:
«Много вызовов сегодня?»

Хочется взять сочувствующего за лицо и отпихнуть, как
Высоцкий Садальского.

Любимая фраза высшего руководства: на ваше место – в
шляпах!

Одного как-то поправили: На ваше!

Что было...

Многие, в натуре, не знают:

- названий своих лекарств;
- собственного диагноза;
- профиля отделения, в котором лежали;
- номера больницы.

При этом говорят «не помню», «не разбираюсь» и «нам

сказали».

Полковники невыносимы.
Снисходительное «ты» свысока.
Даже если одёргивать.
Даже когда чехлятся².
Холуи трёхзвёздочные.

Пришедший к доктору робок и подобострастен.
Вызвавший – развязен и хамоват.
Это в крови.
Поэтому лучше сразу, с порога, на них наорать.
Во избежание.

У них здесь корректировщик. С биноклем. На дереве. На-

² Чехлятся (жарг.) – умирают.

строился на частоты и слушает. Даёт отзвониться, даёт вернуться. Открыл дверь – даёт отмашку: звони!

Вызов.

Туда же, в соседний дом.

И умело так, гад, маскируется.

Стало привычным: комната, пациент, юноша у компьютера.

Внимает рассеянно, просьбы выполняет, предварительно дочитав.

Увозим – спросит: «С тобой ехать?»

Понять можно: в блог же писать надо!

Про болезнь близких.

Сорок пять лет, юрист, два высших образования. В двадцатисекундной речи двенадцать раз использовала конструкцию «как бы».

Норма десятилетий – бригада на десять тысяч. Районы растут, вызова лежат на задержке.

Выход?

Изящный. Блистательный.

Одна на четырнадцать.

Четверо вместо восьми, и лавина звонков: утром сел – утром приехал.

А райздрав нынче праздновал что-то, так допоздна у кабака бригаду держали, на всякий случай.

А остальные три в...ывали.

Не курить невозможно.

К нулю раскуриваются даже самые стойкие.

Потому как адреналин.

Нервы.

Оттого и язва у всех.
Голодные же всё время.

Коллега.
Спокоен и флегматичен – тридцать лет стажа, видел всё.
Непрошибаем.
Ан нет!

Оскорбили на вызове. Ничего особенного – пьяные люмпены, всё как обычно. Но молча вышел, надел перчатки, отыскал, благо недолго, кус мороженого говна и запустил в форточку.

Потом всю ночь пил коньяк.

Один.

Весь пузырь выдул.

Прислали кардиограф – российский.

Шедевр!

Перед тем как печатать, думает полминуты.

Вообразите:

Реанимация.

Цейтнот.

Ампулы россыпью.

Кардиограмма ежеминутно.

И всякий раз: «ПОДОЖДИТЕ 4 °СЕКУНД».

О...уеть, б...дь!

Отослали обратно – ломается, сука, часто.

Во ВСЕХ больницах Санкт-Петербурга на входе в приёмный – порожек. Поднимаешь передние колёса – ы-ы-ых! – коллега приподнимает задние: ту-дух, ту-дух! – закатали. Порожка нет только в морге Судмедэкспертизы где, по большому счёту, глубоко пох...й.

Подъём ночью на «упал с кровати, приезжайте поднять» вызывает смутную симпатию к Менгеле.

Прервусь ненадолго, пока гневным пальцем в грудь не упёрлись.

Вот, удосужьтесь-ка:

«Скорая медицинская помощь – вид помощи, оказываемой гражданам при состояниях, требующих срочного медицинского вмешательства (несчастные случаи, травмы, отравления и заболевания, приводящие к резкому ухудшению здоровья, угрожающие жизни и требующие проведения экстренных лечебных мероприятий)».

О как, оказывается, изначально-то!

А вы говорите...

Так о чём это я?

А-а!

– Я лекарства не признаю – вы только ЭКГ сделайте, а уж я дальше сам...

Или:

– Мне любимый человек изменил – дайте успокоительное, а то я в окно выброшусь!

«Глубокий обморок, нету пульса» ... м-да!

– Это мне папа вызвал.

А вот и он:

– Алё! Вы уже там? Посидите с ней, пока не подъеду. Я?
В Нарве, границу прохожу – часа через два буду...

И до кучи:

Ни «доброй ночи», ни «проходите», ни табуретки при-
сесть.

Об кровать хлоп и жёлтой ногой в лицо:

– Вот. Ступать больно.

Мозоль. Ороговелая, давнишняя.

– Ну, и?

– Что «ну» – срежьте! Давайте-давайте, я ветеран...

Так, спокойно!

Не надо набирать воздух.

Ветераны от лиц приравненных – ох, отличаются!

Манерой общения.

Ночь.

Вызов.

Через минуту повтор: скорей!

Подрываешься и летишь.

Диспетчер по радиии: быстрее – скандалят!

Вываливаешься из кабины, дверь вбок, одной рукой чемодан, другой кислород, на плече кардиограф, дефибриллятор, на другом сумка с реанимацией, папка в зубах, домофон чуть ли не носом: пи-и-и...

– КТО ТАМ?

Всё. Можно отнести кислород, дефибриллятор, сумку с реанимацией. Расставить неторопливо, подключить шланги. Позвонить снова и зевая войти.

Ничего там нет.

Проверено.

Годами.

Нельзя брать деньги, если их дают с помпой. А настаивают – тем более!

Номера купюр переписаны.

Список, как правило, под телефоном.

Тоже проверено.

Не однажды.

По коридору надо идти тихо и на пороге чуть задержаться.
Так, чтоб не видели.

И не слышали.

Бесхитростное большинство начинает стелать только при
твоём появлении.

И не вставать перед дверью.

Могут пинком открыть.

И уж, конечно, никаких «входите – открыто».

Войдёшь, а там волкодав.

– Ой, простите, я про него забыла...

Умное лицо, в глазах разум. Кардиограмма, терапия, слово за слово...

– А вы можете, как в фильме «Жмурки», пулю из живота вытащить?

Озадачил.

– Знаете, если б всё было так просто, как у режиссёра Балабанова, мы бы не потеряли двадцать миллионов в последней войне.

– Нет, ну а всё-таки?

Везли с пожара.

Ожоги.

Большой процент.

Юный возраст.

Тормознули на перекрёстке – проезд кортежа.

Снеслись с ответственным, тот подтвердил: стойте!

Семнадцать минут ждали.

– Это какой корпус?

– Не знаю.

– Но вы ж из него только что вышли!

Куда ни приедь.

Номеров нет. Ни на домах, ни на квартирах.

Не пишут.

Но полагают, что мы – назубок.

И разбухают во гневе.

Порвал с корешем.

Тяжёлые сутки, переработка часа на три, ехал домой – мужик в трамвае засудорожил, в лифте сосед к жене попросил.

Стянул кроссовки, упал поперёк кровати – звонок:

– Слу-у-ушай, ты мне нужен как доктор...

– Пошёл на х...й!

Обиделся насмерть.

Поймёт едва ли.

«Левел ап» – когда начинаешь просыпаться за минуту до вызова.

Сам.

Ночью.

Мистика!

Очевидное-невероятное.

Диспетчерá опытни.

– Нет такого дома по этой улице.

Взрыв.

– Да вы... Да я...

– Паспорт откройте.

Пауза.

– Ой, да...

Не часто, честно скажу. Но извиниться – это ещё реже.

Начал обычно: чем болеете... последнее обострение...
что принимали?

А в спину сказали:

– Чё х...ню спрашиваешь – лечи давай!

Когда изобретут таблетку от «плохо», во врачах нужда от-
падёт.

Совсем плохо – переломил об колено.

Чуть-чуть – поскрёб ложечкой.

И в рот.

– Дорогая моя, вам шестьдесят лет! Вы прожили такую
долгую жизнь – неужели не найти слов, чтоб описать соб-
ственное состояние?

Не найти.

– Тупой какой-то... Ну плохо – что непонятного?

Принадлежность к прокуратуре объявляют ещё в прихожей.

И недоумевают, не встретив подобострастия.

Что странно – многим сочувствуешь.

Против воли порой.

Большинство негодует – каллиграфий, похоже, ждали, на бумаге на ароматной. Иные пеняют на негатив: толкуют «жесть!» и жаждут приколов – неустово, ненасытно. А по мне, так забавно: отрешился, бесстрастный, и смотришь, как утверждаются – кто во что...

«Яд каплет сквозь его кору...»

Наше всё

В кафе – только ночью. Днём куражатся: жрёте, мол, а

там люди мрут! Или, наоборот, уважухой задостают. Один вот недавно от полноты чувств предложил шаверму за ним доесть.

Исцелили, раскланялись, жена пошла провожать, а он вдруг из комнаты:

– НЕ ДАВАЙ ИМ НИЧЕГО!!!

Фельдшер – девочка из училища – аж расплакалась с непривычки.

Храм.

Пасха.

Эпилептик.

Судороги нон-стоп – глубокий статус.

Кончилась служба, пошёл народ. По нам, по больному, по батюшке... а тот, наивный, всё подождать их просил да помолиться во здравие.

Первая минута на «Скорой»: ржут над коллегой – капали ночью, приступ был. Тычут пальцами в ЭКГ, рыдая от хохота, мне же, обескураженному, говорят:

– И у тебя так будет. Лет через десять.

Хмыкнул гордо, а зря.

Как в воду глядели.

Градначальник узнала об очередях в поликлиниках.

Грозил публичными казнями.

– Ух, ты! – сказали все. – Круто! Ну-ну.

Очереди исчезли.

Дня на два.

...и бесконечные тридцатилетние сучки с головными болями.

Допуск к наркотическим препаратам оформляют два месяца.

Как минимум.

Через полюса на собаках запрос везут.

А больницы теперь в честь христианских святых.

Хотя некоторым имена нацистских преступников подойдут.

Имени Кальтенбруннера, например.

И, скажем, Адольфа Эйхмана.

Варум нихт?

Впихнули в карман полтинник.

Как швейцару.

С такой, знаете, превосходцей: на тебе, братец, на сигареты!

Госнаркочонтроль бдит.

Онкобольных обязали глотать сильнодействующие в присутствии «Скорой».

Приезжаем, смотрим, расписываемся: дескать, были, видели, правда.

Так и катаемся.

А обращаются к нам: *ребята*.

– Любезный!

Мы.

Не.

Ребята.

Давно уже!

– Ой!

Да!

Конечно.

Извините, ребята!!!

Всё время.

Выцелив самого трезвого, надо сказать:

– Вы мне кажетесь наиболее здравомыслящим из присутствующих...

Строить собутыльников будет исключительно он.

Было дело, даже участок впаривали.

На носилках лёжа, под капельницей.

– И соседи хорошие: зампред избиркома и полковник из ФСБ – соглашайтесь!

От порога с ехидцей:

– Что-то вы сегодня быстро приехали!

Вот же ж б...дь, а?

– Ну, тогда мы внизу подождём, в машине, – позовёте, когда пора будет...

Готово дело – оскорблены донельзя.

О журналах.
Их восемнадцать.
За сутки – подписей семьдесят.
На днях ввели девятнадцатый.
Учёт журналов.

Коллега.
Изящен.
Подтянут.
Эрудит.
Интеллектуал.

Знарок поэзии и шахматных комбинаций. Цитирует наизусть и искромётен до зависти.

Убеждён, что все нам должны, но милосерден – войдя в положение, соглашается взять вещами.

DVD-плеером, например.

Или узелком столового серебра.

С полной сумкой порой со смены идёт.

На станцию пожаловал Госнаркоконтроль.
Помимо комиссии, ещё и автоматчик в бронежилете.
Они что думали – мы отстреливаться будем?

Обожают пересчитывать пачку денег под самым носом.
Тут главное – не ляпнуть что-нибудь вроде «смотри, не ошибись!», иначе непременно клязгу настрочат.

Главврач «Скорой» заканчивает интервью так: звоните и обращайтесь!

И тёплый взгляд в объектив.

Не на камеру поучает: врача надо бить, но не добивать!

А когда докладывают: мол, государь, медик-то разбегаётся, отвечает: плевать – хоть полтора человека, но останется!

По всему видать, крепко сидит.

А однажды у нас свечу вывинтили – кому-то среди ночи понадобилась.

Остального, правда, не тронули, взяв лишь то, что крайне необходимо.

Как папуасы.

– Могу я вас попросить воздержаться от фамильярности в адрес человека, в услугах которого вы в данный момент крайне нуждаетесь?

И удивление:

– Но ведь я ж старше!

Тоже не редкость.

У пациента, как правило, родственники. Наихудшая разновидность – бодренький балабол.

С онкологическими, как с детьми, – предельная искренность!

Никаких недомолвок и без утайки.

Они ж чувствуют.

И с бабками дементными так же:

– Любаша, девонька, ну дай ручку, дай... во-о-от молодец!

Всё позволяют – ЭКГ, сахар, инъекцию...

Подсознательно.

Элитный дом. Всюду иконы и выдержки из Завета.

Тридцать семь штук – от прихожей до спальни.

А перед дверью, на ход ноги, молитва – от руки и аршинными буквами.

Похоже, сильно с совестью не в ладах.

Многие с возрастом прозревают.

Мечутся, исхудалые, по подушкам, истекая потным отчаяньем.

– Не так я жил, не та-а-ак!!!

Вызвав ночью, молодняк с амфетаминовой абстенухой лепит горбатого, втирая про дистонию.

– Вы не первые, кто вызывает с такими симптомами. Давайте честно – что принимали?

Возмущаются натурально, особенно девочки.

Что ж, дистония так дистония – пожалуйста ягодицу.

Через час перезванивают: не помогает!

Что вы говорите?

Кто б мог подумать!

Ещё раз: чего и сколько?

С неохотой раскалываются.

Почему шифруются?

Бестактно, оказывается, о таком спрашивать.

«Я вся такая внезапная... Противоречивая вся...»

А кисы, перебрав с кокаином, сетуют на душевную хрупкость, заряжая про походы по кардиологам... Пока не расколешь.

Старики гниют в одиночестве, гордясь успехом детей.

Мальчишкой отсидел в немецком концлагере.

После войны шёл за третий сорт – был на оккупированной территории.

Ни справок, ни компенсаций, ни льгот.

В девяностых немцы, раскаявшись, прислали извещение на пособие.

А в департаменте его не нашли в списках.

И попросили подтвердить документами.

Он закатал рукав, показал номер.

Предъявил письмо из Германии.

Сказали, что недостаточно.

Ну, плюнул.

Через пятнадцать лет проблема – неуплачен налог с пособия.

То есть кто-то за него получал.

Изловчился.

А нынче, поди, на Бессмертный полк ходит!

Доктора, одержимого православием, фельдшерá избегают – неловко, говорят, за него как-то.

Перед больными.

Концерт Шнура в Ленсовете.

Пьяные, потные, полуголые, неуправляемые имбецилы.

Летающие бутылки, битые черепа, облака табачья.

Кровь, моча, разлитое пиво.

Хрип и корчи со сцены.

И мат.

Отовсюду.

Со всех сторон.

Вакханалия матерщины.

Увозили сразу троих и чуть не подрались с ними в салоне.

Сдали, отзвонились – опять туда же!

Ну уж хер!

Взяли остановку в пути: видим, мол, тело на тротуаре, проехать мимо клятва Гиппократы не позволяет, а сами зашхерились у Ботанического и минут сорок только в себя приходили.

Болтают, Шнур нынче в Оперу подался и там, по слухам, всю труппу очаровал.

А меня вот, как вспомню, до сих пор передёргивает.

Молодые мамы, заспавшие новорожденных.

Обнимут его во сне, а он под тяжестью руки задохнётся.

Маленький же ещё.

Раза три попадал – полпачки потом выкуривал за присест.

Перевернулись на «Скорой».

Легли на бок и, вращаясь, метров тридцать проскрежетали.

Остановились, выбили люк в крыше, вылезли.

Первое, что увидели, – руки с мобильниками.

Фотографируют!

Человек десять, не меньше.

Корячились, извлекали больного – никто не помог.

Ходили кругами, ракурсы выбирали.

Муть стёкол.

Скелеты перил.

Бред поколений маркером по стене.

Аварийное освещение, мочало проводки, лишай извести.

Аммиак и кошатина.

«Оно никогда не настанет!» – закричал вдруг Пилат страшным голосом...

Псих в равной степени и всемогущ, и беспомощен.

Коллеги. Везли бомжару в больницу и метелили его всю дорогу. Крики писали на диктофон. Вечером пили чай, слушали и смеялись под тортик...

Одной фразой?

Пожалуйста.

– Не, не поедем. Мы вас лучше ещё раз вызовем.

Люди безумны.

Отступление

Testimonium Paupertatis

3

Был Рим. Держал мир в кулаке. Строил города, дороги, знания умножал. А потом кончился. В одночасье. Забыли всё. Тысячу лет жгли людей, молились на деревяху, испражняясь там, где приспичило.

Питер. Метро. Технологический институт. Даты на стенах: первый спутник, ядерный синтез, оптический генератор – полвека назад.

А ныне только: хлеба и зрелищ!

Один в один.

Настораживает.

«Чё, бл...дь, до х...я умный?»

Повседневное.

«Бить нельзя их, а не вникнут – разьяснить...»

Классическое

Вызвали ночью и не хотели пускать, пока документы не предъявлю.

³ *Testimonium paupertatis* (лат.) – документ, подтверждающий бедность; в широком смысле – показатель чьего-либо скудоумия.

Умер Углов.

В аккурат на первомедовский выпуск.

Санитар морга промеж молодых докторов.

Слегка подшофе:

– С академиком сфотографироваться не желаете?

Маленький триптих

I

На глаз – месяц запоя.

А уверяют – три дня.

– Мужик, давай честно?

– Ну, может, четыре...

Насмерть стоят.

II

Никакие.

Аж ссутся непроизвольно.

Но – поголовно:

– Д-да я тока бутылку пива с-сёдня...

Ш

Ещё раз:

Синь темнит.

Медик догадывается.

Обязан.

Ему, бля, деньги за это платят!

Доброхоты.

Сдёргивают с обеда: «На остановке, в инвалидной коляске».

– Что – в коляске?

– Не знаю, езжайте.

Мертвецки пьяная побирушка.

– Домой её отвезите!

Ну не уроды?

Жидкость для труб.

Стакан.

До дна.

В два приёма.

Пи...дец какой-то!

Суррогаты, панкреонекроз, кранты поджелудочной.

Свезли к хирургам.

Месяц, два, и опять он.

Живот в рубцах – еле выжил.

Под сиреной обратно.

Выписку обмывал.

Рабочий посёлок.

Пропитые упыри, плевки, помои из окон.

Дети играют «в пигмалионов».

В подвале, на трубах...

Выросли, поди, спились.

Отправили на учёбу.

В первый же день: так, сдаём по «штуке» на нужды кафедры!

Отказался.

Домой звонили.

Два раза.

Комиссии.

Юные женщины в макияже.

Запинаясь, читают список и требуют предъявить.

Потом ставят галочки.

Надменны и робки одновременно.

Как им так удаётся?

Центнер живого веса.

– Идите за мужиками – нести надо.

Мнутся.

– Может, мы с вами вдвоём как-нибудь?

Х...й их знает, а вдруг правда – врождённая деликатность?

Госпитализация.

– Едете?

– Н-не знаю... Надо Тамаре позвонить... Алё, Тома? Меня врачи забирают – ехать, как думаешь?

И к этому привыкаешь.

Кафель, хром, крахмал простыней.

Стоит тело, ссыт на пол.

А римляне, когда убивали, упав, плащом накрывались.

На подвздохах.

Чтоб не глазели.

Никого не трогали, ждали на светофоре.
А он по зебре вихлял, пьяненький.
Увидел, встал напротив – и матом
Потом всхрапнул, пал оземь и заелозил копытами.
Откачали уё...ка.
Мы ж добрые.

Детей только жалко.
Они счастливы.
Им сравнить не с чем.

Звезда.
Вживую.
Пьяная.
Омерзительно.

Бухал всю осень – бросила баба.

Обезножил: умоляет, трясётся...

Ну, хули делать, лекарим.

– Я ей DVD купил, – успокаиваясь, – фильмов кучу, микроволновку, утюг...

И вдруг – волком:

– Атамщу-у-у-у-у! Х-х-х... атамщу-у-у-у!

Наркоманы и алкаши.

Конца краю...

Впечатление – линия партии.

Прямой эфир, конкурс.

А как *вы* гадите сослуживцам?

Самым оригинальным – по два билета.

Взахлёб, веришь?

Микрофон рвали.

Смотришь пациента, а в голове: не тебя ли я сейчас слы-

шал?

Конкретно накрыло.

Особняк.

Аритмия.

Купировал, собираюсь.

– Вы не хотели бы у нас дворником поработать?

Ахуй.

Ступор.

Онемел, честно.

Они ж, на голубом глазу, дальше:

– Нам дворник нужен, интеллигентный. Чтоб и пообщаться, и помощь оказать, если что. И зарплата достойная – не то что ваши копейки...

И главный хит:

– Не понимаю, почему вы отказываетесь?

Краснорожий кабан – лежит, пену пускает.

Бутылки, бутылки, бутылки, бутылки...

Прошлись по соседям: вынести не поможете?
– Хорошо, сейчас. В какую квартиру? Э-э, нет...
Весь подъезд отказался.

Рабочий посёлок.

«Скорая».

Сразу предупредили:

– Больные двух категорий: «скотина» и «скотина пьяная».

Шокировали – подтвердилось.

– Что ж ты так керосинишь, родной?

– А чё ещё делать-то?

Водила попросил аспирин:

– Завезём сыну? А то звонил, сказал, что болевает.

Сыну – тридцатник и живет черт-те где.

- Он что, не может выйти таблеток себе купить?
- Да, как же! Купит он таблеток, ага. Пива – купит.

Обрёл истину: чиновный люд считает наши деньги своими.

Сами признают.

– В больницу? Надолго? Ч-чёрт! Транш, как назло, *нам* пришёл...

Диспетчер заполняет сканворд.

– Слышь, эта... водяные часы?

Второй год про них спрашивает.

Негласно – принимать всё.

На днях, к примеру, на флюс отправили.

Я серьёзно.

Езжай, говорят, не вы...бывайся – записан вызов!

Абстению откапать?

Это не к нам.

Крик.

Мат.

Даже харкнул вдогонку.

А минутой раньше трупом лежал.

И голос такой слабый-слабый...

Инфантилы.

Один в один.

Не получив желаемого, визжат, колотя ногами.

– Мы не будем обезболивать ваши зубы.

– Зае...ись, медицина! Нах...й вы ваще тада? А ну, съе...

али отсюда, пулей!

Девятнадцать лет, плохо.
На похмел к сыночке вызывают.
Мне б в таком возрасте и в голову не пришло.

Волшебное слово?
Ладно, на ушко:
А вдруг он умрёт?
Отмычка.
Золотой ключик.
Приедет бригада.

– Не, – возразят, – ну а мало ли?

Резонно.

Только ещё 140 миллионов медиков нужно – по одному на рыло, за спиною дежурить.

Но – незадача! – и штатных-то не хватает.

Никто ж не хочет: грязно, бедно, неблагодарно...

– Короче, ясно: умрёте, тогда звоните, да?
Бинго!!!

«...при состояниях, угрожающих жизни».

Иначе повадятся: «А к нам приезжали! А нам делали!!!»

Да.

Согласен.

Засранцы.

Врачи-вредители.

Но в общем зачёте – с большим отрывом!

По очкам.

У Бога.

Идёшь по городу – каждые пять минут «Скорая».

А за бугром – ну хоть бы одна!

Делом занимаются потому что.

Заходил, спрашивал.

«Запах алкоголя в выдыхаемом воздухе. Речь, поведение и движения пьяного человека...»

На «вы» – борзеют.

За прогиб принимают.

Ужрался, рухнул, замёрз.

Попал в тепло – полез в драку.

Без вариантов.

Дубинки порой сказочно не хватает.

Пьяных ветеранов велено развозить по домам.

Реверанс, типа: заслужили, чертяки!

Но только раз в год.

Девятого.

Спасли боярина кардиологи.

А свезли уже коммерсанты – у них салон комфортабельней.

Спецы же, с приказом не отставать, кресло-каталку следом доставили.

Дорогую, с моторчиком, – на все сто доверие оправдали!

Рабочий посёлок.

Зарплата.

Накануне оповещают.

Готовность «раз».

И хирургов на низкий старт.

Памятное, говорите?

На «спазмы живота» вызов.

Оказалось – рождает.

Не поверили.

Звонили на станцию: вы кого нам прислали?

Спросили, за сколько диплом купил?

Там и принял, куда деваться.

Думаете, извинились?

Х...й!

«Вы должны!» – говорят.

Не совсем уверенно, впрочем.

Пьяный, ругань, угрозы – с чистой совестью кладёшь трубку.

По инструкции.

Но это раньше, а теперь так:

– Что там?

– Слушай, не знаю, они матом орут – ты съезди, глянь...

Спецы зашиваются.

Линия вешается.

Диспетчерá в дыму сутками.

Начальство, лелея карьеры, боится жалоб.

Главврач, разжирев килограммов на двадцать, отменил выездным ужин.

Приказом.

Оперативность, типа, страдает.

Панариций из поликлиники в Военмед.

– Вы серьёзно?

А то! Лютый недуг.

– Да ладно гнать! Кто там у вас?

Райздоровский протезе.

– Так бы и говорили...

Конспираторы, ёпт!

Загадка.

«Состояние после падения с 9-го этажа через мусоропровод».

Ась?

То-то.

Рабочий посёлок, Новый год в общежитии.

Особняк.

Забор.

Домофон.

Открывают – кавказец.

Нос к носу.

Чуть ли не метр в холке.

А с крыльца уже наблюдают.

Сорвал спектакль – не трогают меня псы.

Крикнули: пациент ждать не стал, уехал сам, к частникам.

И все поголовно на дороге «Скорую» пропускают – непременно уведомят.

- Давно?
- Со... ф-ф-фх... со среды.
- А вызвать?
- Пройдёт... кх-кх... думал.
- Сколько лет болен?
- С де... фх-х-х... с детства.
- Хоть раз само проходило?
- Нет.
- Тогда почему?
- Фх-х-х... не знаю, отстаньте!

Астма.

Стандарт.

Железно!

Каждый второй.

Жалуется и трещит семечками.

– Может, прервётесь?

– Не, я без них не могу. Наркотик. Хотите?

Депутат, прогибаясь, накупил населению шоколадок.

Дешёвых, из сои.

В квартирах, на лестницах, на почтовых ящиках – россыпи.

И понеслось:

– Возьмите, ребята, с чаем съедите... работа ведь трудная, да?

Новострой.

Запах краски и свежести.

А в квартирах уже ханыжник – подошвы липнут.

Расселение коммуналок...

Здоровьем нации озаботились, надо же!
Инопланетяне, ё!

Точно помню – не так было, застал ещё. Это потом – как мутным селем с горы. Под гонор и улюлюканье. С соплями и ностальгией в сухом остатке.

Вернуться? Можно. Выключить телик, сесть и подумать. В тишине. Мозгом. Главное, на других потом не равняться – у них-то, сирых, по-прежнему всё...

«Чудны дела Твои, Господи!»

9:00–00:00

«...ибо не ведают, что творят».

00:00–9:00

Заблудились, тормознули возле старушек на лавочке.
– День добрый! Не подскажите – Граничная улица?
– **ГРАНИЧНАЯ** или **ТУПИКОВАЯ**?
Не нашли, что ответить. Молча отъехали.

День. Двор. Детсад.
Работяги кладут шифер на крыши беседок.
Утром туда же – детсад, двор, беседки...
Без шифера.
Сняли ночью.
Для дач.

– О, «Скорая»!
– Эт за тобой. Эй, эй... заберите его в дурдом!!!
Повсеместно.
Из года в год.

Боксёр.
Чемпион.
Медали, пояса, кубки.
Неадекват: от угроз к плачу без обертонів.

Трезвый.
Не псих.
Во страху было!

Кашель, хрип, жгуты гноя из лёгких.
В бронхах грязевой гейзер, температура сорок один.
Абсцедирующая пневмония.

Участковая – накануне. Выписала лекарство, вон, рядом,
на тумбочке...

ТАБЛЕТКИ ОТ КАШЛЯ.

Довёз живым.

И там смогли, вытянули.

Не пропустив, впилила нам в борт.

Отдышалась: накапайте корвалола...

Выяснилось – третье ДТП за год, но больше, утверждает,
не попадёт – Бог не допустит.

Надо, надо было накапать.

Чтоб надула.

Отключили воду на станции.

В обед огласили вердикт: дай бог под утро!

Позвонил в районную администрацию, представился главврачом...

Дали через сорок минут.

Даже мелкий начальник любит ввернуть, что у нас работа без права сна.

Дескать, койки ваши со станций – в любой момент!

В идеале: скамья, получивший вызов выходит, остальные сдвигаются ближе к двери.

А освобождённую площадь можно в аренду сдать.

Истинно свободны – неизлечимые.

Из тех, кто ещё ходить может.

Чужеземный премьер привёз беременную жену, и к ней немедленно кардиологов прикрепили.

А ну как рожать начнёт?

Сутки за ней ездили, пописать сходить не могли: сказано же – неотлучно!

Линия, естественно, без спецов: шоки, инфаркты...

Неплохую жатву смертушка собрала.

Врачей обязали сдавать зачёт.

Высокопоставленной медсестре.

Угасал барин.

«Скорая» – ежедневно.

Официально: «Плохо онкологическому».

На деле – меняли калоприёмник.

Реаниматологов посылали.

Обещанный грипп.

Тупенькие, смешливые кисы с тридцатью семью и тремя.

Ночью, после всех дел.

Форточки наглухо.

Откройте, вы ж духотой только усугубляете.

Мы потом, говорят.

А в глазах: ишь, что удумал!

Продует же.

Под двумя одеялами.

Многие, живя с удобствами, моются раз в неделю.

По субботам.

Как отцы их и деды.

Старухи.
Сантиметровой толщины ногти на пальцах ног.
Слоями.
Как торт «Полярный».

Слегла коллега с печальным диагнозом.
Даже заведующая вздохнула:
– Жаль! Ещё одной *единицы* не стало...

Правительственная резиденция. Банкет. Поплохело участнице.
Послали нас и кардиобригаду вдогон.
Разобрались, отзваниваемся: ничего серьёзного, не правительство, отменяйте спецов.
И ответственный – сам, лично:

– Пусть едут. Переключаю на консультанта, опишите кардиограмму – подробно...

Он и кардиологов заставлял ЭКГ переснять.

Жополиз х...ев!

Сняли с электрички с укусом змеи.

На вопрос, кто укусил, расстегнув молнию, вытащил из кармана гадюку.

Живую.

– Алё, чего от живота лучше принять?

– Лучше – если к вам доктор подъедет.

– Не, мы в Лондоне. К врачу дорого, так вы скажите, чё нам купить?

«Нош-бру» посоветовали.

Брынцаловскую.

Пусть ищут.

В Лондоне.

Пожар. Хрущоба. Третий этаж.

Горят кухня с прихожей.

Балкон, дети, восточная женщина.

Орёт, рвёт волосы, мечется.

Снизу в тридцать глоток: да уймись ты – ребятишек пугаешь! Сейчас снимут вас!!!

Невменяемая.

Хватает малышей и вниз, одного за другим.

Народ под балкон, как голкиперы...

Незабываемо.

Повально:

Звонят старикам; те, как водится, сетуют на здоровье, а им – «Скорую»:

«Задыхается, теряет сознание, боли в сердце...»

Вваливаешься всклокоченный, а там и не в курсе: не вызывали мы, говорят.

А кто?

Дочка, наверное. Она не с нами живёт...

И перезванивает потом: мол, как там?
Божья роса, ёпт!

Обострятся, ухудшатся, налезат осложнений и скажут в
глухой ночи: не хотели вас беспокоить...

- Ну и не беспокоили бы.
- Так плохо же!
- Сразу б и вызвали.
- Так беспокоить же не хотели!

Бесконечно.
Как космос.

Мужчина, тридцать два, звонит из гостиницы.
Покусали клопы.
Отказали.
Истерика.
Звонок в горячую линию.
Потом звонок из райздравицы.
Съездили.

Повод: «Укус насекомого».

Диагноз: тот же.

Могу поклясться.

Сочувствовать вредно – наполнятся значимостью, начнут тыкать...

Некоторые старушки сушат на батарее использованные прокладки.

Из экономии.

Маразм, несомненно, но вдуматься...

Наведалась СЭС.

Запретила посуду.

Ввели морфин на инфаркте. Забыли ампулу. Хватились поздно – уже ведро вынесли.

Зажав в зубах фонари, фильтровали мусор в помоечном «бэтээре».

Нашли.

Госнаркоконтроль беспощаден.

Иной раз не попрёт – и целый день мордачи с багровыми шеями.

– Слы-ы-ышь, кома-а-андир, ты там, кароче, чё-как...

До конца смены корреспондент не выдерживает.
Сбегаёт ближе к полуночи.

Два приказа.

Первый: демонтировать аппаратуру с истёкшим сроком, пусть даже рабочую.

Второй: на вызова надевать колпаки. Всем поголовно – будут проверки.

В один день оба.

Подкравшись, заведующий фиксирует на видео задремавших.

И лишает премий – спали в дневное время.

Летами юн.

Перспективен.

Мечта.

Уложить президента в «газель» и прокатить с километр.

Чтоб почувствовал.

Раньше на светофоре, дожидаясь зелёного, я за столбом вставал.

Мало ли, на тротуар вылетит?

А потом перестал.

С бетоном выворачивают при ударе.

Работаешь на асфальте – хамят в спину.

Из толпы.

Понимая, что не до них.

По дороге в стационар доверительно начинают «за жизнь».

Основной тезис: «порядочные» и «быдло».

Волна болезненных месячных.

Модно у молодых.

– Да, привычно... да, регулярно.

Томность, мука, улыбка из-под ресниц.

И чуткий юноша:

– Зая... Зая...

Метеопатия популярна.

Лечили одну, краем глаза – листок в серванте.

Атмосферное давление, перепады за сутки.

Пик – в три пополуночи.

Время вызова угадаете?

Минута в минуту.

БЕЗ ПРАВА ОТКАЗА!

Ультиматум.

Ездить на всё, иначе пи...дец.

Ну и ездим.

На всё.

Вообще.

Такая вот инновация.

– Что беспокоит?

– Уже ничего. Но всё равно поставьте (?) какой-нибудь
(??) укольчик.

Энергичные дамы.

Апломб. Гонор. Ворох вопросов.

Напористые.

– Зовите соседей – носилки нести.

– У вас для этого санитары есть!

– У меня, как видите, даже фельдшера нет. Идите, ищите.

И всё.

Растерянность.

Беспомощность.

Беззащитность.

Пройдёшься по этажам, приведёшь, вынесешь.

Сопровождают в карете – апломб, гонор, ворох вопро-
сов...

Ещё о соседях.

На просьбу позвать, отвечают: что вы, у нас тут одни ста-
рухи живут!

Все.

Всегда.

Везде.

Слово в слово.

Удивительно, сколько людей лично знают нашего губер-
натора.

Звонят, спрашивают, как принимать таблетки.

Жёлтенькие такие.

На «к».

Точно не помню, от давления... ну, вы должны знать!

Разрешение приступа:

– Хх-х-харррр... Ф-ф-фэф... Спа... хыссс... сибо, сыночки...

– Мама! – одёрнет дочь. – За уколы спасибо не говорят!

А скажешь «зависит от воспитания» – обижаются.

Прелестно, по-моему.

В таком вот ключе. Эмоций тут на копейку, одно любопытство, типа: ну-у, что нам ещё покажут? Иной раз осточертеет – уволишься. Туда ткнёшься, сюда... не, не моё, ерундой занимаются! И обратно на линию. С ходу в теме, ликуешь – везёт на первых порах, – и, как прежде, многим сочувствуешь. Против воли порой.

Постскрипtum

Допуск к наркотикам.

Пять месяцев!

Бедолаги.

В поте лица...

Часть вторая

Синдром отмены

Требуют продолжений – подсадил, не иначе.

И сам подсел, если честно, вроде как и не хватает чего.

Посему продолжу, назло недовольным.

Им, кстати, ещё раз, ещё раз, ещё раз!!!

«Скорая помощь... при заболеваниях... резким ухудшением... угрожающих жизни... экстренного вмешательства».

Ферштейн?

Точно?

Смотрите...

«Слабое женское сословие, густо облепившее подоконники, громко негодовало на дворника, но от окон не отходило».

Ильф и Петров

«Ещё, кричит, ещё!»

Хармс

«Неча на зеркало пенять...»

Заведомый плагиат

Не знаю, отвечают, не знаю.

Не знаю, не знаю.

Не знаю, не знаю, не знаю, не знаю...

Как много детей, у которых не будет велосипеда.

Пока не вырастут.

И не смогут себе украсть.

Новенькая «газель».

Первым делом – потолочные швы.

На герметик.

А то текут.

Дороги, ухабы, тряска.

Вторая столица.

Третье тысячелетие.

Открыли подстанцию под ТВ и фанфары.
Пару месяцев стояла без персонала.
Потом из других районов перевели.
Принудительно.

Даренные с шиком машины стоят без дела.
Взять и поехать они не могут – килограмм бумаг нужен.
И оформлять ещё, бегать.
Проще сгноить.

Перебои с физраствором.
Нет, вы не ослышались.

Кислородный ингалятор.

Середина прошлого века.

Противогазная сумка, матерчатый шланг, один размер маски...

Европейцы дивятся.

Конституционный суд, заселившись, потребовал персональную «Скорую».

Давление на правосудие исключить.

Уважили столичных – за дело радеют.

Элитный дом.

Сунут трубку во время работы, а там Бог.

Интересуется, что да как.

Куда повезём, спросит.

Доброжелателен.

Ни чуточки не спесив.

Я часто думаю: вот за каким хером?

Отступление

Проводя аналогии – разведка боем. Поди туда, не знаю куда. Уцеливших потом в санбат, провинившихся в трибунал, а комсостав, как водится, к правительственным наградам...

Спросят, замирая, о неприятном, а им:

– Знаете, как у старух ноги воняют?

И тема сворачивается.

Немытые ступни, серые простыни, липкие стулья, чёрные половицы...

– Садитесь, доктор.

– Спасибо, у меня штаны чище.

Жир обоев, картинки из «Огонька», сизые майки, окурки, собрания сочинений, провода, носки, ржавые клещи, окур-

ки, кислятина, карта СССР, лупа, кинескопы, диван в клочьях ваты, гвоздь с намотанной леской, открытка, рассол, окурки, моделька без дверцы, ботинок, ворох штанов, квитанции, серое фото, будильник, настольный хоккей, гвоздодёр, окурки, дверные петли, мёртвые ходики, бейсболка, кроссворды, остов семиструнки, паяльник, газеты, шатучий стул, окурки, кетчуп, зонт наизнанку, корзина, галстук, шурупы, створка трюмо, окурки, доширак, блин подушки, мутный хрусталь, пиджак, треснувшие очки, пинцет, календарь, окурки – на столе, подоконнике, всюду, пола не видно, стоишь, поджав ногу, кардиограф на весу держишь...

Порой всё ясно уже по двери.

Войдёшь, бывало, а фельдшер ка-а-ак засипит, как захукает – бронхоспазм у него.

На запах.

Или сам, расчихавшись, пятнами зацветаешь.

Эуфиллин, глюконат... сидим после вызова, отхаживаем

друг дружку.

Десять кошек.

Вырви глаз запашина.

Аж форму в стирку – насквозь пропиталась.

Иной раз даже не отзвониться.

Брезгуешь: снять трубку, приложить к уху...

Смердит ртом.

В лицо.

Не смущаясь.

Сидишь, думаешь: трупы он жрёт, что ли?

И как ему только жена даёт?

А жопу, яхонтовые, надо всё-таки мыть!
Это про внутримышечные инъекции.

Населённые пункты.
Слепые халупы, гниль досок, хламьё напоказ.
Лохмы полиэтилена, толь, заборы вповал.
И вдруг – особняк.
До неба.
Цари говна.

Смрад, затхлость, простыня мокрой верёвкой.
Провал рта, пролежни, сожжённая мочой кожа...
– Что же вы? – укоришь.
– Мы на работе всё время.
Подмоешь, перестелешь – берутся за кошельки.
– Сиделку лучше наймите.

Кадавры, бл...дь!

Скрутило в утробный вой – камень шёл.

Супруг же документировал на айфон.

И норовил показать.

– Да верю я, верю... хватит!

Пищал потом кнопками, дубли сортировал.

И на работе – сто пудов! – прокрутил.

И «ВКонтакте» выложил.

«Умирает!»

И нас вызвала, и священника.

А умирать не с чего, дали кислород – раздышалась.

Но лавры – исключительно РПЦ.

– Увидала вас, батюшка, и полегчало...

Дык ёпт!

Ко второму баллону пришёл.

Чудотворец.

Жил на её деньги.

Не угодила – от...издил.

Прихромала на станцию.

Смываем кровь – эсэмэс: «Обосралась – и в кусты?»

– Ему? Сорок один...

На двадцать лет старше.

«Скорая» во дворе.

Событие!

Кучковались, шушукались, засылали смельчаков разузнать.

Было время.

А сейчас – пф-ф-ф!

Подъезд настезь.

Каталка на изготовку.

Гудок сзади.

– Хули встал, на? Чё-чё – моё место... А? Да мне по...уй
– отъезжай, ёб!

Имелось определение.

Издавна.

Ёмкое, хлёсткое, пулей в десятку.

Берегли, употребляя не часто, чтоб хмыкнули, оценив, и бился в слюнях награждённый, разрывая рубаху.

А нынче – на каждом углу.

Отовсюду.

Со всех сторон.

Хором, соло и а капелла.

Раньше месяцами не слышал, а тут решил посчитать, так на втором часу опротивело.

По любому поводу.

С нев...бенным апломбом.

Короче, подешевело.

Измочалили, истрепали, низвели Царь-девицу в шалаву.

А было – слово.

Самородок.

Шедевр.

Какое?

Да «быдло», конечно, какое ж ещё!

Узкий проезд.

Видит мигалки и прёт навстречу.

Уперевшись, мигает – пропускаяй, мол.

Темень, автуха⁴, открытые переломы.
Сунул фонарь зеваке: посвети, а?
Обезболил, зашинуировал, погрузил...
– Мужики, свет верните.
Хер!
Не вернули.

Умер терапевт.
В поликлинике, на приёме.
Реанимали двумя бригадами, а из-за двери:
– Что за издевательство!
– Будет новый врач или нет?
– Заведующую позвать...
– Внизу телефон для жалоб...

⁴ Автуха (жарг.) – ДТП.

Дышал водярой, бычил, грозил уволить.

Потом привёл сына, поставил сзади.

– Так, я на кухню. А ты поостороже с ними, поостороже...

Интернет – зло.

Просмотрев симптомы, уличают в невежестве.

Скайп, веб-камера, ноутбук нараспашку.

Лица онлайн.

– Простите, кто эти люди?

Профессор, главврач, завкафедрой.

– А зачем?

– Вас контролировать.

Утвердился на носилках и снизошёл:

– Ну что, медики, по-прежнему такие же нищие?

Посочувствовать захотел.

Пи...дюк.

– Скажите, врача в больнице вы тоже будете мальчиком называть? Нет? А почему?

– Ну, извините.

– Что значит «ну»?

– Ты глянь, а? Не угодишь на него!

...а потом вдруг просят стационар поприличней.

Из Книги рекордов

I

Поликлиника – вот.

Дверь в дверь.

Метров пятнадцать.

Но вызвал «Скорую».

На «*больно глотать*».

II
«*Болят живот*».
Встретила на улице, собранная для больницы.
С направлением хирурга от февраля.
В августе.

III
Статистика за год:
– За истекший период бабка Павлова госпитализирована:
поликлиникой – тридцать семь раз, нами – тридцать один...
Террористка.
Не вывезешь – за...бёт.
Начинает с рассветом.
К утренней кашке чтоб.

IV
Алкогольная абстенуха.
– Звоните похметологам – их хлеб.
– А вы не откапаете?
– Мы – нет.
Измором брал, сутки.
Всплакнули ментам – те, ничтоже сумняшесь, заточили в
зندان.
Прям как в кино: «*Заковать в железа, содержать как*

злodeя!»

Эмигрантов сразу предупреждают:

– Здесь не Рашка! Дёрнешь «Скорую» не по делу – по миру пустят...

Нужны ещё аргументы?

Перепись населения – так ещё можно назвать. Тупо едешь и переписываешь: фамилия, возраст, адрес. Повод к вызову? Да-а-авно значения не имеет...

«Красное лицо».

– Зуд? Сыпь?

– Просто красное. Вторые сутки уже – пусть доктор глянет...

Половина третьего.

Ночи.

«Не уснуть».

Новинка.

Нет-нет, никакой терапии – просто съездить.

Объяснить, что так не положено.

На вызов отреагировать.

«Чешется под гипсом».

Как миленькие поехали.

«Удалили зуб, отошла «заморозка».

Святое дело.

Болит же!

«Сухость во рту».

И всё.

– Скажите, дражайший, а что тут экстренного?

– Откуда мне знать, я ж не доктор!

Сходил в качалку.
Заныли мышцы.
Доложил маме.
Та позвонила.

Зачастую просто хотят ЭКГ.
Мало ли, ночь впереди...
Протянешь ленту – что там? инфаркта нет? – и как по волшебству исцеляются.
Иные привыкли, каждый вечер звонят.

– Что беспокоит?

– Да так, не знаю... тревожно как-то. Сделайте кардиограмму, сахар... что там у вас ещё?

«Не дозвониться до поликлиники».
Хит всех времён.

– Да когда ещё тот участковый придёт...
Сама непосредственность.

Принял виагру, а е...ать некого – не пришла.
А член стоит, пятый час уже.
Послали бригаду с поводом «плохо».

Круглосуточная аптека.
Вид из окна.
Но – *«болит голова, нет лекарств».*

Говно вопрос, выехали!

Алгоритм прост:

1. Почистить зубы.
2. Сплюнуть прожилкой крови.
3. Кинуться к телефону.

И вы легенда при жизни.

Диспетчерá-самописцы.

Подвид.

Сверху вниз, по порядку:

Ф.И.О?

Адрес?

Со двора, с улицы?

Этаж-подъезд?

И лишь потом: что случилось?

Чисто зенитки – в небеса как в копейку, и только гильзы

звенят.

– Я если и вызывал «Скорую», то только по делу...
Лучше молчите.
На сарказм пробивает.

Старые, добрые девяностые.

Бензин по лимиту – срывались только на дело, а на всякие
«жена в истерике – успокойте» смеялись в трубку, коммен-
тируя непотребно.

Ностальжи!

Попытаюсь на пальцах.

Спецназ, так?

Стрелять влёт, убивать, прикоснувшись, исчезать, появ-
ляться, кидать, чтоб втыкалось... и при этом охраной в яс-
лях, пенсионерок через дорогу, да изредка – как на празд-
ник! – заложников выручать.

Глупо, да?

А вот с «03» запросто!

Рефрен прост: *прев-ра-ти-ли служ-бу х...й зна-ет во что-о...*

Высших начальников презируют.

Продавцы из мясного в креслах профессоров зоологии.

Вопреки им держимся.

Онкобольной в героиновом передозе.

Второй случай.

Всё просто.

Наркоту – приказом! – через месяц от начала болей.

Глупая молодёжь ищет, варит и штырит своих онкологичес-ческих стариков.

Респект ей.

Суперприказ.

Всем, кто без ПЕРВИЧНОЙ специализации, – пройти курс!

Коллега, дед, сорок лет на колёсах.

Ему первому.

И до медсестёр с медбратьями дое...лись – переучивайтесь на фельдшеров или валите нах!

Ну, хули делать – пошли учиться.

За свои, без отрыва.

У кого двадцать стаж, у кого тридцать...

Выдают «корочки» – хоп! – отбой: в связи с недостатком кадров можно медсёстрами...

Разогнали студентов – статистику, стервецы, портят.

Сертификатов-то нет, откуда?

Студенты выходили с семнадцати до восьми.

Ждали их – как самолётов с Большой земли!

В окружении.

Конфликт?

Значит, виновен.

Не нашёл подход к пациенту!

Хоть он там с колуном кидался.

На вас, утверждают, возложены и социальные функции.

Ни приказа при этом, ни номера.

Ни даты, ни автора.

На чужом горбу в рай – н-н-но, родимые!

Письменный отказ от госпитализации не имеет юридической силы.

Помрёт – вздрючат.

За то, что не убедил.

Ты-дыщщщ!
Свершилось!
Стали рассматривать анонимки.

В туалет на адресе – ни-ни-ни!
Главврач запретил, лично.
И сам небось терпит, суча ногами.
С девяти до пяти.

Госнаркоконтроль.
Влетят ночью:
– Врач есть? Сюда, быстро!!!
Спорхнёт в чём был, а ему:
– Где наркота?
– Наверху, в куртке...
Заводят дело.

С ведома Главного.

Нанимают согласных – впихивать купюры в карман.
Пишут на диктофон, прячут понятых по кладовкам.
Коррупцию изводят.
Изо всех сил.

Пополз курс – задержат получку.
На три дня.

После чего приедет начальник – рассказать нам, что всё
прозрачно.

Примета такая.
Ни разу не подвела.

«...грабили нас грамотеи-десятники».

Н. Некрасов

Доплаты с надбавками.

Крутят, задерживают, сыпят абракадаброй, но чуть что:
– Так, чтоб пулей – мама бухгалтера!

А водилы покупают резину – за свои, кровные.
И запчасти, само собой!
И на ремонт скидываются.
Иначе встанем.

Приходил молодой.
Подводили к машине: значит, слушай сюда!
Сел – дверь на замок, сразу.
Окно наполовину, или выпадаешь при перевёртыше.
Тут – так.
Там – эдак.
Здесь – однозначно! – никак иначе.
И с кем-то одним: месяц, полгода, год...
Опыт.
Наставничество.
Полностью ликвидировано.

Как в штрафроте на передке.

За спиной артиллерия, танки, воздушная разведка с резервом командования...

А тут – трёхлинейка, штык, обойма патронов.

И вперёд.

На мины.

Тайну хотите?

Чем по ночам занимаемся?

Возим тех, кто днём отказался.

Звонят в третий раз.

Согласны ехать.

– Ну, не сердитесь на нас...

Повтор после отказа.

Входишь – бля-я-я!

– Я же вам говорил!!!

Тарелка ампул, кислород, раствор винтом в капельницу.

– Я ж вас предупреждал!!!

Вздыхнув, со смирением:

– Что поделатъ – так уж нас воспитали...

– Не-не-не, не поеду, не уговаривайте. Дома помирать буду.

И так, и этак, и мелким бесом... х-х-х...й с тобой, помирай!

Отказ, подпись.

Дзынь-дринь: передумала, умирает, скорее!!!

Смерть в присутствии, реанимация, спецов на себя...

Но главное – позже:

– *Ваши* год назад маму дома *оставили*, в больницу *не повезли*...

Амбулаторная карта.

Лохматая-прелохматая и толщиной с батон.

Суют, на вопросы не отвечая, там всё написано, говорят.

Садись, плюёшь на палец...

Пять минут, десять.

– Вы что, издеваетесь?

И, поговнившись, включаются в диалог.

Требуют невозможного.

С напором.

Брякнешь:

– Сто рублей стоит услуга!

Кладут трубку и больше не беспокоят.

Коллега.

Носит мелок – двери нумеровать.

Зайдёт, сориентируется, и одну за одной, по порядку.

Хотелось бы обратиться к народу.

Можно?

Гм-гм.

Кха!

НЕ ЗАТАСКИВАЙТЕ ВЫПАВШИХ ИЗ ОКНА ОБРАТНО, НА ТОТ ЖЕ ЭТАЖ!!!

Спасибо.

У меня всё.

Вызывают к кому-нибудь.

– Фамилия, имя, отчество?

Свою диктуют.

Бегут перед машиной, показывая дорогу.

– Садитесь же!

– Не, я так...

Молодые наследники.

Разосравшись, деля жилплощадь, болеют в укор оппонен-

там.

Те, правда, сами не лыком шиты:

– И мне заодно давление смерьте...

И на семейные ссоры тоже.

– Смотри-смотри, сволочь, до чего ты маму довёл!

Мама косит – от дверей видно, а поди заикнись.

Сидишь, бляха, воркуешь.

– На погоду, наверное...

– С погодой это не связано?..

– По телевизору говорят – погода влияет...

Т-твою же мать!

– Наверно, магнитная буря сегодня, не знаете?

Знаем.

Ежедневно оповещают.

Зуб даю!

Из «Росгидромета», по всей стране, каждую станцию...

Замеряют давление раз в полчаса.

Исписывают тетрадки.

Раскатав миллиметровку, кладут, сверяясь, кривую на график.

Вешают на стену, отходят, взявшись за подбородок: анализируют, анализируют, анализируют...

Добрым быть просто.

Лежит на улице – сто звонков с одного адреса.

А встретят один-двое, не больше.

Глаз да глаз!

Сказавшись родственниками, линяют с сумками пострадавших.

Поплохеет где – суют таблетки наперебой.
Полная пасть.
Всяких.
Симптоматика фантастическая.
И спросить не у кого – ушли все давным-давно.

Людное место.
Дерматолог или там ЛОР творит помощь.
Оно, конечно же, молодца, но глаза не смотрели бы!

*Другая крайность – хотят в больницу.
Мощно, неудержимо...*

Но не с чем – ничего экстренного.
– Мы отблагодарим.
Высосешь из пальца, свезёшь.

– Огромное вам спасибо! – глаза в стенку, суеются, рожи воротят...

А оставишь дома – повтор.

Откроют:

– Что, опять вы? – с досадой.

Ну а кто ж?

Снова «на месте» и снова повтор:

– Это с Байконурской. Пришлите нам другого врача...

Средний класс грамотен.

– Так, мы только в Первый мед, в нефрологию.

– Алё? Мужчина, МКБ⁵, нефрокорпус возьмёт? Понял. –

И, прикрыв трубку: – Всё, места кончились, опоздали.

– Ничего не знаем! Имеем право – звоните туда, договаривайтесь...

⁵ МКБ — мочекаменная болезнь.

А можно проще.

Встать у подъезда и с ходу в салон:

– Стоп-стоп-стоп! Куда?

– Что значит «куда»? В больницу, естественно...

«– Здравствуйте, товарищ Хачикян! Проходите, товарищ Хачикян...»

В стационарах аншлаг.

Входишь – мамма мия! – друг на друге сидят.

А из-за спины:

– Куда вы нас привезли?!

С ужасом.

Неадекват.

Повсеместный.

От лёгкого флёра до полной декомпенсации.

Встретишь норму – и с опаской к ней, с подозрением, вдвойне осторожен...

Госпитализация.

– Вы идите-идите, мы сейчас спустимся...

Да ни в жисть!

Нету и нету.

Нету и нету.

Нету и нету.

Поднимешься – душ принимают.

Васильевский остров, ночь, старый фонд.

– В больницу? Опять?

Иначе нельзя-с. Запустили-с.

– Ч-чёрт с вами! Но только на Культуры, в сто двадцать вторую.

Однако!

– Поплывём или полетим?

– В смысле?

– Мосты развели.

– Как?

Да так, знаете, как-то...

Коренные вы наши!

– Мальчики, подождите!

Летит по лестнице, срывая целлофан с упаковки.

Подбегает, распахнув крышку:

– Возьмите себе по одной...

Циститные красотули.

Махровые пижамки, грелки, гольфы из чистой шерсти.

Это дома, в постели.

Голенькие поясницы, кеды, низенькие носочки.

Это в больницу, по непогоде.

Обозначишь недоумение – миленько улыбнутся.

Выписной эпикриз:

– диагноз;

– рекомендации;

– таблетки;

– схема приёма;

То есть – всё, но:

– Вы знаете, я решил пока их не принимать...

Абонемент (жарг.) – вызывающие ежедневно.

«Что там, Силантыч? – спросил Демид. – Да опять Мозглячиха, манда кобылья. Абонемент у сучары...»

Гипертония.

– И аспаркам принимала, и корвалол – не снизить...

Ещё бы!

И не должно.

Научиться?

Зачем?

Всего делов – две цифры набрать.

Десятка панангина, десятка воды.

– Куда ж вы так много-то?

А минутой раньше про капельницы толковала:

– По три флакона зараз, представляете?

– Мне укол, чтоб понос кончился...

А ведь с высшим образованием.

Лучшим в мире.

Ещё советским.

Участкового?

Не-а.

Сами недужат.

Неделю, две, потом – щёлк! – ночью: бего-о-о-о-ом!!!

И сразу:

– Вас пока дождётся – помрёшь!

А чуть погоды:

– И давно так?

– Дней десять.

После чего:

– Не до этого было...

– Думал, пройдёт...

– Да вам лишь бы в больницу...

У педиатров круче.

«Не дышит».

– Как не дышит? Вон он у вас кричит даже.

– Вы что, не видите – он выдох делает, а вдох нет!

Или так:

«Искусан собакой».

Бойцовый пёс.

Исходит в хрип, выворачиваясь из ошейника.

– Бля, мужик, собаку-то убери!

– Да заходите, он не укусит...

Но самый огонь:

Сбили температуру.

– А если снова поднимется?

– Свечку поставьте.

– Живому? А-а, во здравие, да?

Диспетчер суёт трубку:

– Проконсультируй – совет хотят.

– Алё? Да... Давно?... Так... И сколько?... Значит, берёте...

А оттуда, перебивая:

– Подождите – я за ручкой схожу...

– ...и коринфар.

– Коринфаркт?

– КОРИНФАР.

– Коринфард?

– КО. РИН. ФАР. Рр. Рр. Рэ!!!

И всё равно, сука, не так запишут!

Через «а» и «е», бл...дь.

– Пишите: температуру ниже тридцати восьми – не сбивать!

Так и пишут: *т-е-м-п-е-р-а-т-у-р-у н-и-ж-е 38...*

Тех, кто ставит $t < 38^\circ$ тянет расцеловать.

Телевидение, телевидение...

– У меня точно не свиной грипп?

Лейтмотив.

Медик конкретен.

«*Как бы больно*» ему не понять.

«*Высокое давление*».

– Сто тридцать на восемьдесят. Давайте ваш аппарат – сравним.

– Я кольцом меряю, по линейке.

Перстенёк, нитка, маятник.

– Вот, девятнадцать на десять. Сто девяносто на сто, значит.

– А если б у вас английская линейка была, в дюймах и футах?

У-у-ух, как они злятся!

Да, пишут, мы такие.

А вы обязаны!

Что есть, то есть: вы – такие.

И от этого никуда.

Кошки лезут в сумку на запах валокордина.

Что, почему-то, совершенно не раздражает.

А что раздражает?

Ну-у-у!

Например, слово «пишем», когда его диспетчер по радиции...

Или когда не держит присоска и пациент посекундно:

– Отвалилась... Отвалилась... Опять отвалилась.

Ежели с ходу:

– У меня вены плохие – не попадёте...

И:

– Что беспокоит?

– Всё.

Мнительные мужчинки, заполошные дамочки, звонки
родни раз в минуту...

Пи...добольство диджеев – под утро особенно.

Но самый мат – ночью, во дворах, в узости, когда на-
встречу автомобиль вынырнет.

Ни раньше ни позже, падла!

Смешное?

Как же!

Те же старушки с нерастраченным либидо.

Пришёл сам с мелким недугом.

Исцелили.

Нет паспорта – записывают как Приходько.

Май.

Белая ночь.

Вышли с вызова, курим.

Прихилил ханурик, вызывает к приятелю:

– Витёк! Витё-ё-ёк!! Ви-и-итё-ё-ё-ё...

Сверху с акцентом:

– Какой Витёк – это кооп’егативный дом!

Пожилая еврейка.

Морщины, складки и весь кагал в сыновнем почтении.

Над кроватью портрет – небывалой красоты дама.

Лечим, поглядывая, и:

– Шо ви смот’ гите на этот портрэт – пэрэд вами оригинал!

Полуночная барышня, припозднившись.

Подберёшь, жалеючи, а она про свои болячки!

Привезли пухто, сгрузили на место спецов.

Заезжаем: ох, ёптыть!

Водила грустно:

– Вот теперь на чём кардиологи ездят...

График.

Не дописана буква в фамилии.

ЛИСТЬЕ

Через час, другим цветом:

ЛИСТЬЁ

Ещё через час:

де ЛИСТЬЁ

И ещё через час:

де ЛИСТЬЁР

И на всю жизнь прозвище.

Психиатры.

Пожилые, негромкие, в седине.

Теснят буйных в санузел, стреляют газом, держат дверь,

через минуту пакуют.

Спросили утром:

– Как смена?

Жмень гильз на стол.

Молча.

Атипичная пневмония, две тысячи третий.

Помните?

Май, двадцать седьмое, триста лет Питеру.

Взял мужика: двустороннее воспаление, температура, был в Таиланде.

Взыграло – доложить и в инфекцию его, особо опасную.

Чисто проверить – свернут праздновать или как?

Не стал.

Жалею.

Коллега, педиатр-реаниматолог.

Сутки через сутки, две пачки за смену...

В минуту затишья:

– Вот выйду в отпуск... – мечтательно, – сяду в кресло-качалку...

Пауза, смакование:

– Два дня сидеть буду...

Табачный выдох:

– Потом стану раскачиваться...

Реанимировали дедулю.

Девяносто лет, рёбра ломкие – остеопороз в полный рост.

Качнёшь – хрум!

Качнёшь – хрум!

Патанатомы впечатлились, лягнули родичам, те погнали волну.

Вызвали на ковёр: нежней надо!

Как?

Не знаем! Аккуратней.

– Боже, – чуть позже, за сигаретой, – на кой я в медицину пошёл? Планктонил бы по конторам, в х...й бы не дул...

Полярный круг. Терский берег. Двести вёрст до асфальта.

Звонок.

Шеф:

– На тебя телега – вези объяснилровку.

– Так я ж в Заполярье!

– Твои проблемы...

А связи – ноль.

Ни с кем.

Полный вакуум.

И на тебе!

Шебутной, датенький – утомлял.

Сказали – обиделся.

– Я им, понимаешь, салон спроектировал, а они...

– Что-что?

– Вот это – обводит рукой, – вам проектировал.

Боже милостивый!

– Ну, вот ты нам и попался!!!

Ждём санэпидстанцию.

Всё блестит.

Новые швабры, чистые полотенца, занавески сменили.

Вплывают.

Заведующая сереет.

– Швабры, – в панике, – швабры не маркированы!!!

Отмаркировали, в броске.

«Для СЭС».

Звёздный час...

Прислали медаль, одну.

Наградите, мол, кого-нибудь у себя...

Решили – диспетчерам.

Во они разосрались!

А вот ещё ассоциация – японские лётчики. Те, что во Второй мировой: ни наград, ни званий, ни даже звёздочек на фюзеляж. Ушёл на дембель и до конца жизни – рыбаком, официантом, наборщиком в типографии...

Первый в очереди.

Ходишь-ходишь... а-а, пёс с ним!

Снял обувь, лёг:

– Двадцать шесть, поехали, двадцать шесть!
Етит твою!

«Газель» на ходу.
Внутри – как на досках.

Полнолуние.
Конвеер.
Не вынимая.
Псы в такие дни тоже на Луну воют.

Трижды за ночь – нормально.
Утренние – те, что после шести, – не в счёт.
Так, на закуску.

«Я не знаю, что такое счастье, но горные лыжи мне его вполне заменяют».

Жан-Клод Килли

Сочувствую, Жан!

Вот смотри:

Три часа ночи.

Затишье.

Перед тобой пятеро, и все карты написаны.

Понял теперь?

...за полночь.

...минус двадцать.

...в нетопленную машину.

– А что, приветливости в медицинском теперь не учат?
Двадцатый вызов.

Остекленение.

Строя фразу, вспоминаешь слова.

Идёшь по району и вдруг: ё-моё, ведь в каждом подъезде был!

Старушки на лавочках.

Остановишься, типа шнурок завязать, и:

– Я, чтоб быстрее, «задыхаюсь» всегда говорю.

– Во-во! А ещё лучше «после инфаркта» добавить.

Убеждены: лежим – ноги на стену, отдуваясь, пуская газы...

– Да что вы тут лапшу вешаете – у меня мама участковой работала, так что я в теме...

Класс!!!

Сядьте.

Уймите клёкот.

Представьте: шесть машин разгоняют по вызовам за десять минут.

И до утра.

Каждый день.

Ну?

Прониклись?

Слабо?

Здесь обычно уход от темы в духе: мы на своём месте стране нужны!

Водила в отпуск, оставшимся тянуть через сутки.

Месяц.

Без отдыха.

Один уже нарушился⁶ – прям посреди трассы.

Перехватили руль, прижались к обочине.

«А сажал... Сажал уже итурман».

Читал о подводниках: напряг, нервы, ни жрать, ни спать, долг юбер аллес, и в рейд, в рейд, в рейд! Стал номер бригады вместе с «U» писать: U-348, U-507...

Глянул в Гугл – всех потопили.

До единого.

Всю станцию.

К однокашнику прикрепили актёра.

Рассказывай, велели, о чём спросит, – врача играть будет.

– Я, бл...дь, тут зубы съедаю; к инфаркту, бл...дь, приготовился; е...ут, бл...дь, меня ежедневно, а этот сидит, вальяжный: а вы мне вот что скажите! Игрун, бл...дь!

⁶ *Нарушился (жарг.)* – от «острое нарушение мозгового кровообращения», иначе: инсульт.

Благодарности пишут редко.
Хотя нынче же, нынче же обещают...

В лицо не помнишь.

Здороваются на улице: э-э-э... простите?

Школьная, тридцать семь?

Тахикардия?

Желудочковая?

А-а, да-да...

Было дело.

Первый день после отпуска.

Эпистатус.

Потом инфаркт.

Открытый череп на ДТП.

Отёк лёгких на низком давлении.

И шок – инфекционно-токсический.

С выходом!

Юные ипохондрики с интернетом.

Божья кара.

То аневризма, то менингизм, то лимфома неходжскис...
неходжинск... тьфу, бл...дь, не выговорить!

Седина, манеры, усы.

Воротничок, твид, манжеты.

Аристократ.

Пэр Франции.

Иглы боялся – вымпелом трепетал.

Джигиты не терпят боли.

До неприличия.

Всегда удивляло.

Старательней всех болеют цыгане.
Самозабвенно и артистически.

Армянам важно, чтоб весь клан в изголовье.
А кто не весь – тот на посадку уже заходит.
Из Еревана.

Евреи же деликатны.
Дышат в затылок, заглядывают в ЭКГ.
Ковыряют в блюдце, звякая ампулами.
Оч-чень ответственные.

А таджики, какходишь, встают поголовно.

Битые проститутки.

Все, как одна, медсёстры.

Все, как одна, в зонах конфликтов.

Мальчишеские мечты: стать капитаном, биться за справедливость...

Что ни ханыга – то боец Моторолы!

Что ни обрыган – то командир АПЛ!

Профессура.

– Не-е, – с усмешкой, – врач «Скорой» – это не специальность!

А приедешь к такому и – чётко:

– Коллега... коллега...

Пожалуй, только бабы с членом ещё не видел на вызовах.
Не теряю надежды.

Один за другим:

Брутальный мачо.

Кубики пресса, серьга, бритый зад и подмышки.

Кинокритик.

Невзрачный шпендик, худоба с лысиной.

Вертолётчик, Герой Союза, ветеран заварух по всему миру.

Ровесники.

Притон гомосеков.

Воочию.

Как в говно вляпался.

Кстати, о говне.

Ввалились в лифт, под ноги не посмотрев.

Два бинта извели на оттирку.

Шестнадцать лет.

Джазовый гений.

Показалось, что умирает.

Разубедили.

Дали рекомендации, открыли дверь.

– Пойдите, это что, всё, что ли? Не-е-ет, я вас не отпущаю...

37,5°

10:30

Участкового?

Фиг!

– Не ваше дело! Кого хочу, того вызываю.
Этот постарше – двадцать.

37,1°

Болит горло.

Вторую неделю.

– Я не знаю, где у нас поликлиника...

Совсем взрослый – двадцать один.

Госпитализация.

Два вопроса.

– Надолго?

Это больной.

– А обратно вы отвезёте?

Это сопровождающий.

*«...посему ссанные тряпки, коими Вы, милостивые государи, иного лекаря намерение гнать имели, благоволи-
те надеть обратно и, гордыню свою зело обуздав, пребы-*

вать далее в мире и кротости, не искушая Провидения Божьего, бо в руке Онаго и живот и смерть всякой твари быть имеет по Воле Его».

От «Скорой» ещё никто не уходил.

Подмечено.

Даже телеведущие с журналистами.

Профессионализм.

Знания, опыт, навыки.

А ещё: порою на вызов с ненавистью, но пациент об этом – ни сном ни духом!

Верхние этажи хрущоб.

Хронь – там.

Сперва бесило, потом допёр: в шестидесятых, когда все-
лялись, им было по тридцать.

Видишь – тупая бестолочь!

Это мешает, сильно.

Подумаешь: а ведь была когда-то девчонкой – трёхлетней,
отзывчивой и открытой...

И совсем иной коленкор.

А бывает – никак.

Ну ведь был же, зараза, он малышом!

Маленьким чудом.

С ручонками, волосёнками, глазёнками в пол-лица... куда,
бл...дь, всё делось?

Лежит, годами не мытый, перегар – мухи дохнут, и ханыжник
вокруг, ханыжник, ханыжник...

Язык.

Зев.

Миндалины.

Периферические лимфоузлы.

Стетоскоп в уши:

– Повернитесь спиной.

Свастика!!!

Меж лопаток.

Аж затрясло.

У дедов моих семь орденов, пять ранений, а я – ноблесс
облидж! – с собой совладал.

Raptus⁷.

Бешенство.

Клокотание за грудиной.

Спокойно!

Выдохни.

Закрой глаза, посиди.

Ничего.

Пусть смотрят.

Подождут, гады!

Так.

Хорошо.

⁷ *Raptus* (лат.) – припадок ярости.

Отпустило?

– Э-э-э... На чём мы с вами остановились?

«Частота угроз увольнения», исходящих от пациентов, обратно пропорциональна тяжести их диагнозов.

Аксиома.

Лучше не спрашивать:

– за что сидел;

– кем служил;

– где работает.

Беспристрастность страдает.

Я?

Что вы!

Ничуть.

Флегма.

Как Броневой.

Лоханувшись, похоронил пациента.

Курил, маялся, спать не мог.

А сосед стенку сверлил, непрерывно.

Четыре часа.

Как рукой сняло.

Откроют рот, скажут фразу – и будто голенькие на ладони.

Всё наперёд: поведение, речь, прихваты...

Атавизм, дремлющие инстинкты.

Озвучив диагноз на пьяной хате, можно нарваться на агрессив...

Пушкин спасает.

Александр Сергеевич.

– Анальгин? – И надменно: – Что, новей ничего нет?

– Старый конь борозды не испортит. Помните у поэта: *за
неимением лекаря лечил меня полковой цирюльник и, слава
богу, не умничал...*

Во действует, без осечек!

Нет книг.

Иконостасы до потолка и «плазменные» панели.

Потолки подвесные, кстати.

Машина – Жужа.

Жена – Зая.

Дочь – Даша.

Сынок – Данила.

Собачка – Боня.

Кошка – Маргоша.

Кальян, папирус, интерьер по фэншую.

Как у людей всё.

Два классика.

Коллеги вековой давности.

Как вчера изданы: никаких изменений за сотню лет...

Коллега.

Захотел в санаторий.

Долбал профком: положено – дайте!

Задолбал – дали.

Гериатрический.

Вернулся довольный.

– Я им там, слышь, давление мерил, а они мне за то йогурты в постель приносили...

Поначалу думал – прикалывается.

Отписала квартиру внучеку – стал являться раз в месяц.

Пенсию отбирать.

Рослый, чисткокожий, с жирком.

И невеста – шаловливая, воздушная, светленькая.

Ведут старых от почты, нападаая в подъезде, взывая к милосердию в КПЗ...

Бежала из Грозного с новорожденными близнецами.
Грабежи, обстрелы, убили мужа.
Потом футболили до самого Петербурга.
Просила – не слушали.
Общага, птичьи права, учит близняшек – нет прописки,
нет школы.

Ворует в универсамах, тихо верует в Иегову...
Вывернули карманы, отдали что набралось.

Коллега.
Патологически жаден.
Свадьба на станции, похороны – ни рубля!

Подлечили торговку – сыпанула семок в подарок.

Спрятал.

Под носилками.

От бригады.

– У соседки кенарь, ему хотел...

Комиссовали из авиации.

Погиб сын в Чечне.

Супруга сошла с ума.

Водил автобус, менял двигатель, сорвало стропы – и руки

в кашу.

Говорил скупно.

Больше желваками играл.

Выставлял дачи.

Подловили с ломami.

Живого места...

Как желе колыхался.

Заброшенный дом.

Пригород.

Сидит, обессилев, справку в руках сжимает.

Амнистирован с онкологией.

И идти некуда.

Стюардесса влюбилась.

Пламенно, слепо.

Возила от ненаглядного пакеты с оказией.

По воздуху.

С героином.

Взяли, стали колоть, пугнули, озвучив ей перспективу.

Выбросилась в окно.

Редкой красоты, неземной...

«Метро “Спортивная” наверху. Мужчина, пятьдесят,

плохо с сердцем...»

Никого.

Вернулись – угол Большого и Пионерской, повод тот же.

Та же фигня.

Отзвон – дуйте на угол с Ленина, там он, неуловимый.

Нашли.

На асфальте.

Смерть до прибытия.

Такой вот последний путь.

Гнилое мясо, тазы, мириады опарышей.

Бизнес.

Для рыбаков.

На дому прям.

Тут же дети, больная тёща, семейные торжества.

И звук.

Нескончаемый.

Шх-шх-шх-шх-шх-шх-шх...

Пьяный, не битый: ваш!

«Воронок» далеко – ухватили за шкварник, поволокли.

А мы на станцию.

Разворачивают по рации: там проблемы!

Удавили.

Воротом.

Пока тащили.

Реанимация без успеха.

Труп на полу, хозяин в дверях.

Штабеля дисков: «Кочегар», «Жесть», «Параграф 78»,

стрелялок штук пятьдесят.

– Давайте-ка на кровать переложим.

– Не, не могу. Боюсь...

Оппозиционер с видом на жительство.

Надо валить, сраная Рашка, все дела...

Живёт там.

Лечится здесь.

Сядет на паром, дотерпит до Питера и прям в порту вызывает.

Подшаманят – плывёт обратно: надо валить, сраная Рашка, все дела...

Дорожный чиновник.

Молодой, пьяненький...

– Чё трясёте-то так, медики?

– Так не мы ж дороги мостим – с себя и спроси.

– Ну, мля, сделаю я дорогу навек, а кормиться мне, мля, с чего? На зарплате, мля, как вы, мля, сидеть?

Педиатры рассказали:

Тянули в реанимации дитяtko, а папаня, навещая, смеси-тели свинчивал.

В санузлах.

Чтоб порожняком не кататься.

Во, кстати:

– Не я, так другой спи...дит.

Чужой грех на себя.

Аки Христос.

«За други своя» детектед.

Элитное поселение: особняки, бассейны, оранжереи.

Вёз местную – там, говорит, спящих сожгли, там зарезали,
там бабку дубинкой...

Как в Эрмитаже: взгляните прямо, посмотрите направо!

Везли блатных с процедуры.

Догнали менты: пацана сбило, давайте пулей!

А эти упёрлись – сперва нас, домой!

Силком выкинули.

И были б, гады, не самоходны...

Новенький хоспис.

Вот-вот откроют.

И вдруг – туда: забрать чина из мэрии с супругой, довести до квартиры, об исполнении доложить.

Сияющий холл, гора чемоданов.

– Подождите – сейчас обед, а у нас дома холодильник пустой. Можете пока вещи перенести...

Отдыхали они.

Как в люксе.

С видом на море.

Сидел в сугробе рядом с больницей.

Выперли из приёмного.

– ...они такие: первую помощь мы вам оказали, а остальное – по месту прописки. Во за...бись, говорю, а если б я в Чите был прописан?

Свезли в другую, там: «С чем он? А-а... Да без проблем – заносите!»

Чё вообще происходит-то?

А вкратце так:

Вот ты.

Вот отёк лёгких.

И кто кого.

Пациент?

Так, постольку-поскольку.

Поле боя, говоря аллегорией: ввязался – дерись, а уж весёлый лужок или засранная канава – выбирать не приходится.

И всё б ничего, да только теснят бойцов в гнилые болота, где бои в грязи – обычное дело...

Постскриптум

Интернет-отзыв: «После прочтения захотелось вызвать «Скорую» и налить им всем по стакану...»

Похоже, зря я тут распинался.

Часть третья

День радио

Феерия

Дежурство. Сутки. FM. Новости, хиты, комментариши. Зацепил ухом – сделал погромче. Осознал, хмыкнул, поматерился, накидал закорючек на оборот ленты. Собрал потом воедино: о, дух времени! Так и прёт, хотя прямо скажем – не ландышем! Чем-то специфическим. Неуловимым. Вызывающим бурные ассоциации...

«Ходит человек, раздаёт пустые листовки.

– А почему ничего не написано?

– А чё писать, и так всё ясно!»

Анекдот в прошлом

«– Мужчина, проснитесь, вы обоссались!

– А я и не сплю».

Ещё один, поновой

Министр.

Обрюзгшая девочка с коготками.

Знает толк в мебели.

Умеет напряжённо внимать.

Что ещё надо, министру-то?

Офицеры Госнаркоконтроля скончались от передоза.

В святая святых.

А ведь испокон твердят: учите матчасть!

– Наркоту, – вздохнули, – не одолеть.

Да?

Ну, отойдите в сторонку...

ОБОП, доложили, уже не нужны.

Кому?

Молчат.

Забывтые сёла.

Пожилые крестьяне.

Повеление свыше: сыскать толковых, назначить медиками
по образцу и подобию.

Внедрение, инновация, ломка шаблона.

Центры здоровья.

Оно конечно...

Только в них ехать надо.

Из глубинки.

По дорогам.

Которых нет.

Конструктивное отступает, задев интересы.

И тиходохнет.

Красят грузовики белым, лепят кресты, выдавая за нац-проект...

Умиляются: депутат, а спел хит на всю Сеть!

Понимаю.

Побыл наверху, освоил потоки, ПМЖ обеспечил.

Хули не петь?

Губернатор незамутнён.

Много снега? Возьмите лопаты.

Убило сосулькой? Сидите дома.

Лао-цзы отдыхает.

Визит руководства: не пройти, не проехать, и могут связь отключить.

Паралич.
Коллапс.
Символично.

Прокурорским не писаны ПДД.
Теперь официально.

А «юстис», как утверждают, с латинского – справедливость.

Обалдеть!
Неужели?

Полномочный представитель.
Браконьерство с вертолѐта на краснокнижных.
Хуяссе полномочия!

Президентская яхта.

Секонд-хенд, уверяют, взяли.

Из экономии.

Волосы на ковре, ноготь в сливе, сперма на обивке дивана...

Храм шаговой доступности.

Двести штук на столицу, иначе конец России.

А могли б ведь детскую онкологию забороть...

Но – паки-паки!

Иже херувимы.

Да ладно вам, чего пристали к Владыке?

Из ларька те часы – метнулся из лимузина, купил.

Пока на красном стояли.

Страшный суд.

ВИП-персоны.

В руке кейс.

В кейсе миллион.

Пробуют договариваться.

Зарубежный вояж.

Президент застрял в пробке.

Электорат ликов-а-ал...

Отказались от госмашин.

Пёс с ним, решили, на другом отобъём.

Господь щедр: предлагает место в Истории, но люди предпочитают деньгами.

Футбольный трансфер.

– Следующая игра будет против родного клуба – хотелось бы блеснуть и, по возможности, забить гол...

Ко-ман-да молодости нашей, команда без которой мне не жи-и-ить!

Мегахит.

Сразу перед глазами – ходит поэт, дёргает за полу: ну-у заплати-и-ите мне за слова-а!

А ему хер!

Мало букв, типа.

Расцвелили фильмы.

В аду им выдадут маркер – красные зрочки зарисовывать, – а потом вагонами фотографии повезут.

И так вечность.

Юбилей.
Плакат.
Гагарин.
Шлем без надписи «СССР».
Креативная фишечка.

Скафандр Гагарина продан.
Дневник тоже.
А детей своих, надо думать, продавец в бордель сдал.
Нисколько не удивлюсь.

Заблевали «Аврору».
На вечерине.
Тузы и магнаты.
А теперь вот и обоссали.

С мачты.

Неимушие.

Против бедности протестуя.

Мать честная!

Глава МВД – йог.

В следующий раз, поди, ногой за ухом почешет.

И подмоется языком.

Держим пари: подаст в отставку или же хоть бы х...й?

Пока проигрываю.

Выигрывают процессы – клевета, честь, достоинство, все дела...

И на кой им?

Могут же просто прислать участкового.

За деньгами.

Диктатура закона.

Ой, не могу!

Фестиваль безнаказанных.

Червонец условно.

Пятнаха отсрочки.

Скоро, блин, епитимия в ход пойдёт!

Творил, что хотел.

Заслал денег, озвучил раскаяние, купил участок у храма.

Умер – святые угодники по соседству.

Удобно.

Примечание: Притчу о разбойнике – непременно!

Стрельба, взрыв, крушение – разлив трёпа по всем каналам.

Со скорбными рожами, разумеется.

Имиджмейкеры инструктируют: в крохотных паузах – ка-
менеть скулами.

Представляют эксперта.

Слушаешь: ё-моё, он вообще в школе учился?

Пострадавшие – поголовно: было так!

А им: да нет же, вы ошибаетесь!

И в отчётах: а ну их – х...ню несут!

Ещё парадокс: всё топорно, и всё шито-крыто!

Девочки-ведущие в попытках быть умненькими.
До чего трогательно!

Убедительны – охренеть.
При том, что как не отсюда.

Вот бы главсанврач правительство запретил.
Хотя нет, Минздрав не позволит.

Надо бы, кстати, и российским клоунам свой Кодекс принять...

Посетить митинг.
Потребовать справедливости.
Потом сесть в тачку и объехать пробку по тротуару...

Предвыборная активность.
Показательные выступления.
Забег мандавох на короткой дистанции.

Бились за чистоту.
Принимали законы.

И нынче всей шарогой на *праймериз*.

Электронное правительство.

Парадиз.

Рай.

Всем по надувной бабе под безалкогольное пиво.

Студент-медик будет воцерковлён.

Е...а-а-ать!

Они ж и так ни х...я не знают.

– Да валить, блин, отсюда надо!

Девиз на гербе.

Постскриптум

Интересно, как, когда всё изменится, будет выкручиваться режиссёр Михалков?

Часть четвёртая

Доплата за вредность

А кого же ещё пинать – власть?

Ха!

Начальство?

Ментов?

Пожарных?

Средства массовой информации?

*Даже на поликлинику стараются не катить: а ну как
больничный понадобится?*

*Остаётся «Скорая» – зато беспроигрышно и с гаран-
тией, в пору мишень вешать.*

*Впрочем, она и так есть: крест в круге – на спине и на
груди слева.*

Сзади и в сердце, типа.

Так что валяйте, цельтесь.

Да! Телефончик всё же не позабудьте: ноль-три...

«Если б вы только знали – как нас тут пи...дят!»

Цирковой анекдот

«Не мы такие – времена такие».

Мега-отмазка

Наивздорнейший повод.

– Чё у вас там за чмо на приёме?

Обязательно спросят.

Или:

– Я, бл...дь, ща с автоматом приеду, покрошу вас там нах...й!

Но щадят – горячую линию обрывают.

– Алё! Нам маму за город перевезти... Лежачая... Мы заплатим... У них дорого... Нет?.. Может, как-нибудь?.. Нет?.. Тогда нам плохо с сердцем – пишите адрес...

И там по новой, когда приедешь.

– Примите заявочку...

– Пришлите машинку...

– Пускай ребята подскочат...

К себе, в свою очередь, требуют пиетета.

Иные звонки на CD скидывали – для коллекции.
Потом забили.
Компактов не напасёшься.

Харизматичнейший хам Хаус.
Всех прёт – сплошь ники да аватары.
Но упаси боже им самим грубанут...

«Аллергия, насморк, чешется за ушами».

Откажешь – жалоба и разборка.

Поедешь – кто-нибудь не дождётся: смерть до прибытия,
вой, где-вы-твари-поганые-шлялись!!!

Так что вот.

Сцилла с Харибдой.

Одиссей курит в сторонке.

– Пиццу привозят быстрее, чем ваша «Скорая» приезжает, – я проверял, знаю...

Аминь.

Атлет.

Эллин.

Бронзовый, дивный, литой античный рельеф. И мама сзади:

– Он за полчаса два раза жидким сходил.

– Всего-то?

– А вам что, мало?

Материнское сердце.

Сам же Геркулес молчалив.

Как и подобает мужчине.

Аптека, очередь.

Читая с листа, набивают пакеты.

Вызов, квартира.

Показывают не начатые упаковки, уверяя будто не помогает.

Самая лучшая жалоба.

Не понравилось, что радио из кабины.

Когда на ДТП прибыли.

Была «Скорая», не найти паспорт!

Каждому предъявляют.

Посвящение.

Инициация.

Плащ мушкетёра.

Знают – бесплатно, но:

– Мы вам должны что-нибудь?

И красиво.

И благородно.

И без затрат.

– О-о-ох! Сделайте укол, чтоб я умерла...

Это они так кокетничают.

Комнатные собачки.

Визгливый комочек на одеяле.

Но с гордостью:

– Это он меня защищает!

Дано: вызван доктор оказать помощь.

Вопрос: олигофрения или деменция?

– У меня поливалентная аллергия – на все лекарства.

Сезонный недуг.

Поражает старушек – весной, локально, проходит с наступлением холодов.

С окончанием посиделок.

Элементарно, Ватсон!

После инфаркта.

– Нитроглицерин? Не-е-ет... Ей-богу не говорили!

И глаза – честные-честные.

Боль в животе.

Симптом Щёткина: тронешь – отпустишь, тронешь – отпустишь...

– Что больней: когда нажал или когда отпустил?

– Мне уже аппендицит вырезали.

Многие с раздражением: о, дятел, дескать, шрама не видит!

Извиняющиеся непрерывно.

Отдельная категория.

Час на вызове – час извинений: за всё.

– Перестаньте же наконец извиняться!

– Да-да, извините...

И по башке не дашь – не патефон, чай.

– О-о-ох, мне плохо, сделайте что-нибудь. Мне плохо-о, сделайте что-нибудь...

– Плохо – что? Что беспокоит?

– Пло-о-охо. Сделайте что-нибудь...

В сознании, ориентированны, контактны.

– Дорогая моя, что – плохо? Скажите, чтоб я смог помочь.

– Не зна-а-аю, мне пло-о-охо. Сделайте что-нибудь. Мне плохо, сделайте что-нибудь. Мнеплохосделайтечтонибудь...

И е...ись как хочешь.

Но результат дай.

– Что беспокоит?

– Я в субботу на даче патиссоны высаживала...

Слушаешь-слушаешь.

– А беспокоит-то что?

– Мне, вон, таблетки врач прописал...

Ещё минуту.

– Бабушка. Дорогая. Сейчас на что жалуетесь?

– Почки, наверное. Надо укол сделать...

– Что – почки?

Спотык.

Пауза.

Нарастающее молчание.

– Я блокадница.

С козыря.

Диагноз носят как орден, щеголяя оным при случае.

«Вечерний звон».

А ещё «утренний вылет».

Когда, проснувшись, тянутся за тонометрами.

Пароль: «Сто двадцать на восемьдесят».

Отзыв: «Как у космонавта».

Половые партнёры.

Тут же, рядом, под одеялом.

Облокотились и наблюдают.

Случается, вопросами засыпают.

Сферический врач в вакууме.

Терпит и улыбается.

Тихой, светлой, всепрощающею улыбкой.

Нам такого.

Как нету?

Вы чё?

Суки, бл...дь!

Вконец о...уели, стрелять вас надо!

Опередят – шась в лифт! – и поехали.

А нам, оказывается, в ту же дверь.

То-то лебезят, то-то угодничают.

Многолюдьё на адресе.

Вызвавший вычисляется.

Или гонор, или, наоборот, отчуждение – он-де уже своё дело сделал.

Феерически нерешительны.

При мне однажды тёте Нюре во Псков звонили.
Советовались.

Госпитализация.

Карты на стол: разъяснено, разжёвано, весь расклад – ну?

– А вы бы как поступили?

ТЬфу!

– Понятия не имею. Я ж ваших нюансов не зна...

Ой!

Мама!!!

Вываливают нюансы.

И жмут на Enter: вот, ждём.

– Ищите носильщиков.

Кто идёт?

Жена, верно.

Супруг робеет и тухнет.

Любимое:

– Зовите соседей.

– Э-э... Мнэ-э...

И, просветлев:

– Звони Вовке, звони Серёге – пусть подъедут. Вы подождёте?

А иной раз упрутся: не пойдём, и весь сказ!

Ваша обязанность, говорят.

Пациенты – из тех, кто в сознании, – обижаются: ни х...
я родня, типа!

Вполголоса сетуют, момент улучив.

– Ой, можно мне с вами?

– И мне.

– И мне.

Один больной – один родственник: железно!

– Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!!!

– Садитесь, ладно.

ДТП.

И тут же спец по правам: а врач нарушил, вы знаете? Можете подавать – компенсирует.

Подали.

Компенсирует.

Десятый год скоро.

Отмороженные водилы.

А вы думали?

Что мы, хуже других?

I

Вмажется и поедет: мечтательный, не отсюда, по синусоиде, через двойную на поворот...

II

Врубись – на...бенился!

В кабине.

Пока на вызов ходили.

Истерил потом: стукачи, крысы!

Он, бля, по автоспорту кандидат в мастера...

III

Бычки за борт – щелчком.

И всю дорогу про повальное свинство.

IV

Двор, дети, снежок в борт – ну случайно же!

Стекло вниз и мат.

Заповедный, чудовищный.

– Э, алё! Ты что, в прохожих в детстве не попадал?

– Меня за это наказывали.

Спокойно так, без эмоций.

V

Пришёл, представился, кинул шмотки, пошёл в сортир.

Зашли следом – стульчак обоссан.

– Мокрый толчок, – заявил, – проблема следующего.

Набили морду, выкинули за дверь.

Получаса не проработал.

VI

Пролетарий, дорвавшийся до мигалки.

Пи...дец, неуёмен!

Первый месяц особенно.

О, пока не забыл!

Вы не знаете, почему не говорят «отъезд» ментам и пожарным?

Во дворах, в смысле.

Пользуясь случаем.

**НИ ОДНОГО ИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ
НЕ ВОЗЯТ В СТАЦИОНАР НА «ГАЗЕЛИ»!**

Решающий аргумент.

Летишь под сиреной – пристраиваются: я с ними, типа!

Отвлёкся – и уже двое, цугом.

Идеалисты, сглотив слезу, умиляются вслед.

– Так!

Ещё раз!

Если.

Вам.

Нужен.

Больничной.

Вызывайте.

Участкового.

Терапевта!

Не верят.

Думают – ленимся.

Наберут повторно и тем же голосом: *температура две-сти, не дышу, теряю сознание...*

– Я хочу вызвать «Скорую»...

– А что случи...

– ...на завтра, на 9:30, отвезти мужа в больницу.

Количество в качество.

Дождались.

Peractum est!⁸

⁸ *Peractum est!* (лат.) – Готов! (*Анлодисменты*). Эпитафия убитому гладиатору.

Требуют ЭКГ в отсутствие показаний.
Откажешь – перезванивают: боли в сердце.
И торжествуют – добились!
– А кардиограмму нам не оставите?
Вот!
Момент истины, суть, смысл.
Чтоб в поликлинику не ходить.

В жалобах обычно по максимуму:
– пинал мебель;
– сморкался в скатерть;
– прыгал со штор на люстру;
– катался по полу, визжал, бил ногами;
– ну и, само собой, вымогал – это уж как бог свят!
А чего мелочиться?
Потребуешь очной ставки – оп! – стихло.
Отзывают бумажку.

Истинная леди откроет свой возраст, лишь жалуясь на «03» журналистам.

Телеведущие.

Приглашают врачей, задирают вопросом.

Те отвечать: по существу, с логикой, без эмоций, а им – стоп! – рекламная пауза.

Обратите внимание.

Накосячит больница, но в кадре всё равно «Скорая».

Внутри репортёров-то не особо, вот и шакалят по территории: общий план, пандус приёмного, с разных точек, под гневный текст...

– Я очень уважаю врачей...

Ладонь к груди, обозначить полупоклон.

– ...и дай бог всем им здоровья...

Поднять глаза, посмотреть в камеру.

– ...но то, что произошло на днях...

И по сценарию: обрезать, передёрнуть, выхватить из контекста.

Ток-шоу.

Тема: «03».

Обвиняемых затыкают – сидят чурками, обтекают, пытаются прорваться через картечь, усиливают неприязнь зрителя.

Одни предъявляют, что долго едем.

Другие – что не на всё.

Предлагаю сравнить этих с теми и ложиться под победителя.

Обсуждают проблемы.

– Нас не волнует.... Хотим, чтоб быстро... Значит, наберите людей... Не нравится – пусть уходят...

На одном вдохе.

«Этот чубарый был сильно лукав...»

Николай Гоголь

– Они как слышат, что старше восьмидесяти, так сразу не хотят ехать...

Не без этого.

С оговоркой – восьмой раз за неделю.

И снова студия.

Снова «03».

Обязательный атрибут – неизвестный артист с громкой предьявой.

– Значит, будем врать – говорить «без сознания», если просто температура...

Резюме передачи.

Определимся?

Или на всё подряд, но тогда ждите.

Или фильтровать вызова, но зато пулей.

А то вам и канарейку за рупь, и чтоб ещё басом пела!

Да, вот ещё:

– ИДИТЕ НА Х...Й СО СВОИМ ГИППОКРАТОМ!!!

Уф-ф, гора с плеч!

А то всё стеснялся, откладывал...

В аэропорт?
Под сиреной?
За деньги?
Та нема дурних!
А ДТП словишь – как, спросят, голуба, вы там оказались?
И всё: секир-башка, сыктым, джахен-джахен.
Так что, извините, пурга-с!
Но уж очень её в телевизоре обожают.

– Почему так долго? У вас норматив двадцать минут!
Так точно.
Двадцать.
Не дольше.
От станции до границы района.
Пространство-время, короче.
Ещё б журналистам растолковать, а то ж они как обычно...
но...

«Медленная Скорая».

«Скорой нужна помощь».

«Проблемы страны 03».

Из статьи в статью, из журнала в журнал.

Остроумно, креативно, свежо.

Стрессовые профессии.

Газетный рейтинг.

Первыми – журналисты.

Следом бухгалтеры.

Маркетологи и менеджеры оспаривают друг у друга.

«01», «02», «03»?

А им-то что?

Им лафа: не знают, каково в офисе!

Пекло.

Пресса вопиет о сердечниках, хотя обгадившихся – в ра-
зы!

Пьют, собаки, откуда ни попадя, тухлятиной заедая.

Но о дристунах прессе не комильфо.

– Скоро приедут?

– Не могу сказать, все бригады в работе – как освободятся...

Президенту пожаловался.

Телеграммой.

Принимаешь вызов – звонок на вторую трубку.

– Минуту на телефоне.

Запишешь: слушаю, говорите! – а в тебя матом.

Тенденция.

– И чтоб быстро мне...

– Я засекаю время...

– А меня не еб...т!

Примерно так.

Лезут под руку.

– Сердечное! Поставьте ему сердечное! Чё тупишь – сердечное ставь, сердце чтоб задышало...

Восхитительно экспрессивны.

Говорят:

– Они ведь больные!

А если не пациенты:

– Они же волнуются!

И заканчивают:

– Вы не должны...

Чужая мысль, но нравится – спасу нет!

Цитирую:

Темпераментов – пять: меланхолик, флегматик, сангвигник, холерик и уе...ан.

В яблочко.

Деньги суют с наказом:

– на пиво;

– на тортик;

– на конфеты, «марожино», «купите там себе что-нибудь»

и «это вам, девочки, на колготки».

Интересно, с кардиохирургами так же?

К слову, о хирургах.

Друган-виртуоз про интернов:

– По нулям, веришь? Стерильны. Аж оторопь: а мне, говорят, не надо – я пластиком буду...

Борзота и гонор улечувиваются в приёмном.
Тихие, безропотные... любо-дорого!
Лапоньками сидят.

– У меня та-а-акая мигрень, така-а-ая...
Симптомов ноль, доводы по...уй, поможет только укол.
– Пенталгин есть? Глотайте.
И физраствор по вене, для видимости.
Отпускает.
Откроешь тайну – нелюдь и изувер!

Воздушная мадемуазель.

Ранима, трепетна, кольнёшь в попку – взвизгнет, соско-
чит, и по стенам, по потолку, снова по стенам, в слезах и губ-
ной помаде...

А родня на тебя – будто ты в храме на икону пописал.

Молодые люди до тридцати.

Начинают со слов:

– Я понервничал и...

По нарастающей.

Аспе⁹ носогубного треугольника.

– Это опасно – я в Интернете смотрел.

Если не трогать, то нет.

– Бросьте, там в один голос... короче, я настаиваю на
больнице.

Охренеть – слепая ночь на дворе!

– Да вам просто запахло ехать, я ж вижу.

Ах ты...

Гнойная хирургия в ебенях: свёз.

Курим – выходит.

– О, вы здесь? Подвезите до дома, я...

– ПАШ-Ш-ШЁЛ ТЫ!!!

Слаще мёда во рту.

⁹ Аспе (лат.) – прыщ.

Открыв, выдыхают, втягивают животы и, распластавшись по косяку, кивают: пр-р-рошу!

Вариант: два шага в глубь коридора, и бригада входит не боком.

Назвать от балды номер подъезда.

Понаблюдать за поиском из окна.

Предъявить претензию на задержку.

Да как нех...й!

А ещё можно с собакой уйти гулять.

И вызвать повторно, устроив встречный пи...дёж:

– Ничего, съездите, не развалитесь! Собаку, ё...анаврот, сутки не выводили – что ей, страдать теперь?

Иной раз звонят – кол в груди, не иначе.
А приезжаешь – панариций.

Повод: без сознания.
Фактически – спит.
Сплошь да рядом, в порядке вещей.

Попробую снова.
Внимательнее, пожалуйста.
Наше – когда дверь настежь и:
– Скорее, доктор, скорее!!! Сюда...

А «наденьте бахилы» и «вы разве рук мыть не будете?» –
это к другому врачу, к другой службе.

Надеюсь, допрёт однажды.

Новенькие квартиры.
В них – ветераны ВОВ.
Тридцатых г.р.

Дождь, асфальт, фотографии рассыпью.
Жёлтые, блёклые, с обрезанными краями.
Сарафаны, гимнастёрки, височки под полубокс.
Как листья...
Даже на помойку не понесли.
Так выкинули.

Интерьер.
Дизайн.
Углы чёрного дерева.
Позолота.
Хром.

Хитровы... банный подсвет.

И – нежилое, ну хоть убей!

Стерильно.

Безжизненно.

Как музей: шпалеры, бархат, пустота, эхо...

Брызнуло с иглы на обои.

Что началось!

Припали, высматривают, мелкоскоп велели принести.

Нашли: всё, вы попали – будете за ремонт платить!

И в срыв, фальцетом:

– Да у нас рулон дороже ваших зарплат!!!

С-с-сранных...

– Я тока ва Вта-а-арую пайеду.

Запрашиваю – не дежурит.

– А чё – нет? Да-а-вай, ва Вта-а-арую.

– Друг, она не у меня в кармане. Не принимает сегодня.

Тянет корку, суёт под нос.

Разрешение на волюну.

– И что?

– Ты чё, не по-о-оял? Мне чё – доста-а-ать?

– Валяй, доставай.

Не достал.

Матюгнулся и в Третью истребительную, как простой.

Видел его там мельком, через пару часов – сидел в клетке.

Уже отпи...женный.

Самые первые сутки.

Самая первая жалоба.

Обмочилась – и:

– Вытрите мне пису. Что смотрите – вытирайте мне пису!

Вытирайте пису, я вам говорю!! **ВЫТРИ МНЕ ПИСУ, ФАШИСТ!!!**

И хор близких:

– Вытрите ей пису! Вытирайте-вытирайте!! Вы-ти-рай-те пи-су – мы будем жаловаться!!!

Храни тя Христос, скоропомощник...

Коротко напоследок

Результат выезда

«– Не могу себе представить, чтобы это было вкусно.
– Да и я, пожалуй, уже не знаю, вкусно ли это».

Эрих Мария Ремарк

«– Да вы сами тут больны на всю голову! Как может нравиться такая работа?»

Командированный журналист

Ну и ещё ассоциацию, под занавес.

Старатели.

Речка, течение, грязь в тазике.

Моешь, моешь – терпеливо, внимательно.

Выплёскиваешь, набираешь, снова выплёскиваешь... о!

вот оно!

Золото.

Крупинками.

Оно – когда стихают хрипы и уходит муть из зрачков.

Когда розовеет кожа и, под «ф-фу-ты, бля!» фельдшера, ловишь наполнение пульса.

Когда, приняв младенца в машине, натираешь его, скрипучего, подсолнечным маслом, купленным метнувшись в минимаркет водилой.

Когда, заколов бронбойным коктейлем погибающую

онкологию, ощутишь на своей кисти прозрачные, благодарные пальцы.

Когда тебе, при отце-ханьге, дитё говорит «папа».

А вы мне – никто не держит!

Держит.

Ещё как!

«Скорая».

Она ж словно курево:

Знаешь, что вредно.

Тянешь годами.

Бросил, и маешься.

Часть пятая

Остановка в пути

Доработав до лета, пишешь по собственному – отстегнуться месяца на три от узаконенного безумия. Благо найти работу – минута по телефону: родной, вскричат, где ты ходишь?! Давай рысью! Как насчёт в ночь выйти?

Только вот с годами как-то не особо и тянет... ну разве на четверть ставки.

Раз в неделю.

Как на сафари.

«– Когда вы говорите, Иван Васильевич, впечатление такое, что вы бредите».

Доктор Булгаков

«От госпитализации отказалась».

– Почему?

– Я ещё не готова.

Повтор.

Констатация.

Готова, бля!

- Что беспокоит?
 - Давление.
 - Чем проявляется?
 - А?
 - Проявляется чем, говорю?
- Молчание.
- На что жалуетесь?
 - Давление.
- Ладно, с другого бока...
- Что чувствуете при этом?
 - Что?
 - Жалобы какие у вас?
 - Давление.
- О, Санта-Мария, где ты?

- Что принимали?
- Четвертинку амлодипина.
- Почему четвертинку?
- Он слишком сильный.

То есть он помогает.
Дас ист фантастишь!

Баба Нюра.
Коновалов с Малаховым.
Рушель Блаво.
И лишь потом – «Скорая».
На неё, кстати, можно жалобу накатать.

Пасхальные яйца.
Десятидневные.
Сожрут – и на горшок, не слезая.
– Они ж свячёные!
Нетленные, то есть.

Диарея.

Дрищет дальше, чем видит, но в инфекционку:

– Вы что?! Они ж меня там заразят...

Три инфаркта в анамнезе, вызывает на боль в груди.

Тянешь кардиограмму, смотришь... сравнить бы.

– Старые ЭКГ где?

– Нету. Я их выбрасываю.

Преклонный возраст.

Только что, скажут, бегала стометровку, тягала гири, гребла как боцман, а уж еду готовила...

Перевернёшь – пролежни.

– Ой! – не смутившись. – А вчера не было...

Больны с утра, но звонят ночью.

– Э-э... могу я спросить – почему? Так, для статистики...

Довольны, хихикают.

Темнота в комнате.

- Не включайте – глаза режет.
- И как прикажете мне осматривать?
- Так вон же у вас фонарь есть!

Юность не вяжет сегодняшний отходняк со вчерашними
возлияниями.

Что «да ладно!» – сами охренив ходим.

Слабоумие и отвага?

Да ежедневно!

– Снимайте обувь, раз бахил нет...

Деструктивный панкреатит.

- Вам, дорогой мой, вообще пить нельзя!
- А это уже не ваше дело, молодой человек!

Вызвали: помогите!

Набрали в шприц, подошли...

- А это не вредно?

Занавес.

- Вы меня слышите?

– Да.

- Понимаете?

– Да.

- Можете говорить?

– Да.

- Что беспокоит?

– Значит, у неё в прошлом году...

– Минутку! Пусть сама скажет. На что же...

– Ей когда...

– Дама, пожалуйста! Я хочу выслушать пациентку. И так?

– Она в январе...

– Женщина! Мне нужно услышать, как она говорит! Как

строит речь, как дышит при разговоре – понятно?

– Да.

– Слава богу! Что вас сейчас...

– Вот тут участковая в карточке...

– **ВЫЙДИТЕ! ПОЖАЛУЙСТА!! ИЗ КОМНАТЫ!!!** И

дверь закройте! Извините, баушка, расскажите...

– Алё, «Скорая»? Я хочу пожаловаться на врача...

– ...своём самочу...

– Её с утра тошнит, слышите?

– На носилках? Вот ещё! Ногами пойду...

А в отделении:

– В утку? Лёжа? Смеётесь, что ли?

И:

– Да вы чё? Я с семи лет курю...

Сортир, сигарета, внезапная смерть, реанимация и в морг под простышкой.

– Он в больницу своими ногами пришёл – залечили, уро-
ды!

Обычно так.

И не понять одного – если мы такие х...ёвые, что ж вы
нам телефоны-то обрываете?

Мир наизнанку.

Актёр, изображая врача, имеет за месяц больше, чем врач
за год.

А в провинции – за два.

Пациент же, гнобя реального медика, сопереживает
экранному.

Словом – сюр.

Гротеск.

Фантасмагория.

Причём видишь, слышишь и даже руками трогаешь.

Участвуешь, словом.

А раз так, то не грех и самим подурить – один хер не уволят!

Работать-то некому.

Негры, кучкуясь на перекрёстке, суют водителям каталоги проституток.

Наши, пролетая с мигалкой, орут им, высунув голову:

– Ху-у-у...рим па-а чёрному-у-у-у...

Лето.

Жара.

Квартирный труп – лиловый, вздутый, сочащийся.

– Сколько ему?

– Тридцатник.

– Так, на свой возраст не выглядит...

Утро, пятиминутка, заведующий с бодуна.

Сидит, молчит, по смене проходит ропот.

Поднимает кровавый глаз, встаёт:

– У нас в коллективе...

Всеобщий напряг.

– ...работают прекрасные женщины.

Чего-чего?

– ...поаплодируем им стоя.

Конец.

Все свободны.

Спасибо отработавшим, удачи заступившим!

Коллега-педиатр.

Пустили в четыре утра пополнить сумку – распахивает ампулы и поёт:

– Ночью для змеёныше-е-ей приготовлю мази я, чтобы у змеёнышей ко-о-ожица не слазила...

На всю станцию.

Всё равно нет никого.

Восемь десять.

Конец смены.

Истошный, во весь голос, запев:

– Ка-а-ак отвратительно в России по утра-а-ам!

Это «восьмёрки»¹⁰ уже уехали, а кто-то из старой смены
вызов словил.

Премия за квартал.

По полтиннику за дежурство.

Коллега, получив с банкомата, орёт, пугая прохожих:

– Я бога-а-ат! Я бога-а-а-ат!!!

Пробило ночью на жарчку, взяли курицу, разорвали...

Входит бригада.

– О, бля, уже ворону где-то поймали!

¹⁰ «Восьмёрка» — смена с восьми утра до восьми утра для подстраховки девятичасовых бригад на период пересменки.

Коллега.

Высыпет из пакета труху от чипсов, скажет:

– Бабкины пятки!

И в рот.

Два этюда

I

Монарх: Проси у меня, лекарь, что хочешь!

Эскулап: Прошу Ваше Величество даровать мне и ученикам моим право не надевать бахил в присутствии короля!

Монарх (в сторону): Падла, бл...дь! (*Сквозь зубы, вслух*): Ну, будь по твоему...

II

Линейный медик (*тянет на одной ноге, раскачиваясь, как юродивый*): Вид помощи гра-а-ажданам при состоя-я-яни-ях, сопровождаемых ре-е-езким ухудшением здоро-о-овья, угрожа-а-ающих жизни и требующих проведе-е-ения экстренных медици-и-инских мероприя-я-я...

Телефонный звонок: Алё, «Скорая»? У нас мама плохо пахнет... Стул, в смысле... Не так, как обычно... Что значит?.. У нас медицинский полис, имеем право... Значит, так – записали и выехали, понятно?

Свет гаснет.

Мат.

Фырканье двигателя.

Голос за сценой: Поехали нюхать.

Объявят призыв, и сразу юноши пачками – изображают, лежат.

– Косим, дружок?

– Как вы смеете? – Мать за детёныша. – Мы больны...

– Как? – обернувшись. – И вы тоже?

– Проверьте, – со слезой. – Вдруг это безболевая форма инфаркта?

Ай, браво!

Беспроигрышно.

А главное – многократно.

– Молодец! Сама допёрла или подучил кто?

– Мы вообще редко «Скорую» вызываем...

Перевожу: раз в неделю.

Можете по журналу проверить.

Непрофильный вызов.

– Ну вы же не вызываете пожарных цветы вам полить...

Бабка Мелешко.

Десять лет дважды в сутки: утром – как глаза продерёт, и в полночь – на сон грядущий.

Объявят:

– Двадцать седьмая к Мелешко...

И рёв из всех помещений:

– В пи...ду Мелешку! В пи...ду!! В ПИ...ДУ!!!

Традиция.

К молодым бабам на месячные.

Регулярно.

Завели календарь – дата, кружок, фамилия...

– Та-а-ак, кто у нас нынче? О, Полилейко! Ща начнёт...

Точно: двадцать лет, боль внизу живота, звонит юный су-

пруг.

– Мне чё – Потребнадзор вызвать? Чтоб через пять минут были!

Мужчина, двадцать восемь, госпитализация.

– Что с собой брать?

Ну, что-что...

– То, без чего никак.

Ноутбук в рюкзачок – и на этом всё.

– Там вай-фай есть?

– В каждой палате. Едем!

– Мы, между прочим, родственники губернатора!

– А если б я рук не помыла? А? Куртку бы не сняла? Сразу надо говорить, сра-зу...

Последний вызов.

Отработали, в лифт, а там цаца:

– Ой, мальчики, если я вас с утра первыми встретила – это к чему?

– К смерти.

Оскорбилась.

Не просекла.

Да и с чего?

Сытый голодного...

Без заезда.

Это пароль такой.

Для своих.

А вам...

Вам и не снилось.

Долго искал слово... короче, так:

Возвращаешься ночью.

Заходишь в кубрик.

Садишься.

Снимаешь обувь, *отклеиваешь носки...*

Два пополуночи.

На станцию.

Аллилуйя!!!

Посрать, походить в тапках, похлебать чая...

И снова: до-о-оброй охоты все-е-ем нам!

Глухая ночь.

Упасть мёртвым в ком одеяльный, без чувств ещё на под-
лёте... чу!

К телефону.

– Алё, у нас «Тенорик» кончился – чем заменить можно?

Стерва ж ты тряпочная!

– Сейчас заменять будете?

– Нет, конечно. Утром пойдём...

– А вы не должны спать! – скажут тут лаковые, в глянце, еженощно спящие по квартирам.

Обед – тридцать минут.

Ужин – двадцать.

За это время: списаться, пополниться, порубать.

Как псу.

Не жуя.

«...и люди там бродят как тени».

Кольмско-лагерное

Зависть – это прийти утром на сутки и видеть, как блуждает сомнамбулой предыдущая смена.

Своих, идущих с дежурства, в толпе видно сразу: потухшие, серые, нога за ногу...

И на «привет» могут не среагировать.

Коллега, двадцать девять, три месяца через сутки.

Пришёл с работы и умер – инсульт.

А начальству что – постоять малость со скорбной рожей и за старое: принимать всё!

Звонит в третий раз.

Согласна ехать.

– Ну вот, – приглашая порадоваться, – кошечку свою я пристроила...

Спелый фурункул.

Единственный.

– Ребят, – в шесть утра, – мне от вас только направление,
а уж поеду я сам...

Шайтан-бек.

Нелегал.

В поликлинику не ходит, в больницу не едет – раз вызвал,
второй, третий.

– Нэ нада так говориль. Ти врач, нада лэчить...

И воткнули за него утром: нэ заполнилъ новий – а-читире
– формат, мэлький шриффт! – анкет-манкет для иностранний
граждан, э?

Врачи прочих специальностей.

Звякнут им по знакомству – доктор, у меня это! – а те с
ходу: звони в «03».

Авторитет их непререкаем.

– Что значит «к участковому»? Он сказал, что вы отвезёте...

Доминирующая черта.
Ты им железно: нет!
А тебе: может, решим как-нибудь?

«...думать о других немножко тоже».

Забытая песня

Сборы в больницу.
Десять минут, двадцать, тридцать...
– Давайте быстрее уже!
Ноль реакций.
А как к ним – так чтобы роняя кал!

Конкретный непрофиль.

– Вот вы нас просто проконсультировать вызвали, а кто-то, не дождавшись, от инфаркта умрёт.

Пох...й!

– Значит, судьба такая. Раз вы всё равно тут, скажите...

Нашего – ничего.

– В поликлинику, к терапевту.

– Мне не дойти.

– Такси возьмите. В сто рублей встанет туда-обра...

Ава-отче, зачем я это сказал?!

Гондон и фашист теперь.

А вошёл врачом.

Специалистом.

Сертификат, категория, все дела...

Льстят.

Угрожают.

Косят под дурачков.

Лгут, бьют на жалость, прут внаглую...

Лишь бы не отрывать жопу!
Лишь бы не идти на приём!

Потерять голову, потерять лицо и носиться, хлопая крыльями.

– В такие моменты – возмутятся, – ни хрена ж не соображаешь!

И нет, чтоб как раньше: сосредоточившись, в критическую минуту...

Нападения на бригады.

Симптоматично.

«Скорую» держат за челядь, а челядь, как водится, надо бить – по поводу, без повода... абы знала.

Ну-ну, суки!

Говорят, слово ранит.

Если бы!

Корёжит, толкая на негатив: ах вот, значицца, ка-а-

ак?

Ну уж не обессудьте...

– Знач так, чаевых сёдня не будет...

Вместо «здрасьте».

Не, всё ништяк, повседневка – очередной е...лан про-сто-напросто.

Сидишь на вене, лекаришь, а тебя с удовольствием матери-рят.

Кроме шуток.

– Надо будет – ещё приедешь...

– По таким пустякам участковых не беспокоят...

– Это ты должен следить за моим здоровьем...

Ну?

Кто мне ещё расскажет про выдержку с хладнокровием?

– Ой, я так не люблю по врачам ходить...

Ну ясен х...й!

Да и зачем?

Сами приедут.

Ездишь на каждый чих.

Фактически.

Но стоит приткнуться, взять эскимо, как:

– Расселись, твари ленивые, морожняк жрут...

Мимоходом так.

Невзначай.

Клятва, бахилы.

Бахилы, клятва.

Клятва-клятва, бахилы-бахилы...

Изо дня в день.

Как мантру.

– Вот, надевайте.

Грязные, дырявые – использованные.

– Вам не стыдно?

– Ладно, сейчас новые дам...

Шатнуло с устатку.

Решили: пьян!

Позвонили, пожаловались – прям тут же.

Вздохнул, собрался, пошёл к двери...

– А помощь оказывать?

Диссонанс.

Разрыв.

Вне всяких логик.

– Хули ты ноешь? – пишут. – Не нравится – увольняйся!
Я?
Ною?
Дурачьё!
Я матерю долбо...бов.

– Меняйте работу...
– Меняйте работу...
– Меняйте работу...
Сменили работу.
Сменили работу.
Сменили работу.
– «Скорая», чё так долго?
– «Скорая», чё так долго?
– «Скорая», чё так долго?

*Уйдёшь в отпуск – вокруг нормальный, адекватный на
первый взгляд люд.*

Вернёшься: ну ё-моё!

*Уж казалось бы – столько лет, мог бы привыкнуть...
ан нет, никак.*

Стоишь то и дело: ну, бля, ваще!

Ну ва-а-аще!!!

Диспетчер 03:

«— Женщина! Успокойтесь и говорите внятно: “е...
анулся” это сошёл с ума или упал?»

Говорят, анекдот.

«— Алё, “Скорая”? Перезвоните, а то я с
мобильного».

Говорят, правда

Вызвать ночью на пое...ень, вынести мозг, а потом ска-
зать:

— Ребята, возьмите яблочко!

А по осени так вообще пи...дец!
Пудовый кошель выносят.
Компот, говорят, сварите...

— Я в больницу не поеду!

– Воля ваша.

– С каких это пор «Скорая» больного не уговаривает?

– ОН В КРИТИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ! ЕГО НАДО В РЕАНИМАЦИЮ!!!

– Согласен! Ищите носильщиков.

– Зачем? Сам дойдёт...

Рак лёгких, распад, кровохарканье.

Суют трубку – главврач больницы:

– Так, везите к нам. В реанимацию. Диагнозом ОКС¹¹ ставьте, а то ж мы по онкологии не дежурируем...

– Алё, Сергей Сергеич? Не разбудили?.. Простите... У нас проблемы со «Скорой»... Да... По соседям гонят – носилки нести. Они должны или мы?

– Я даже с работы раньше ушла...

¹¹ ОКС – острый коронарный синдром.

Взгляд на часы – полночь.

– Во сколько же вы заканчиваете?

– Нет, ну я ещё дома немножечко полежала...

– Давно так?

Не помнят.

– Обращались?

Конечно, нет.

– Почему?

Не знают.

– Что-нибудь принимали?

А как же!

– Что именно?

Не помнят.

– Как так?

Не знают.

Измеришь давление: какое?

– А вам не всё равно?

Конечно, нет!

Назовёшь – переспрашивают.

– Куда без бахил? У нас ребёнок...

Ребёнку десять.

В пятый класс перешёл.

P. S. Иногда его вообще нет.

– Вот представьте: взяли вас в заложники, ввалился СОБР, а вы такие: *«НАДЕНЬТЕ БАХИЛЫ – У НАС КОВРЫ!!!»*

Зарядят дожди – вешаемся.

– А чего не в поликлинику?

– Так дождь же!

– Слушайте, зачем мне к участковому? Какая разница? Вы врач? Врач. Знаете, как лечить? Знаете. Выписывайте рецепт... Хорошо, просто скажите – я схожу куплю... Что «и как дальше»? Позвоню, вызову... когда вы работаете?

– По телику сказали: при первых симптомах врача звать... Верно, я тоже видел.
Только там не «звать».
Обращаться.

Нажраться таблеток и вызвать «Скорую»:
– А у меня уже всё прошло...
Почему не отменили?
Упаси бог спрашивать!
Выслушать.
Посочувствовать.
Гарантировать жизнь.
И укольчик.
На всякий случай.

Зря ехали, что ль?

«В экстренной помощи не нуждается. Рекомендовано обращение к участковому те...»

– Да что ж за ё...аная медицина?! Я буду жаловаться!!!

Жалуйся-жалуйся.

На медицину.

Заё...анную.

А то бывало – кинутся на капот: ТАМ ДРАКА! РАЗНИМИТЕ!! ВЫ Ж «СКОРАЯ»!!!

– Вы обязаны отвезти нас туда, куда мы вам скажем!

Ух ты!

Чё-т новенькое.

– Не-не, – фельдшер на ухо, – тут один хер по «России»

плёл, что они больницу себе могут выбрать...

- Мы хотим в Николаевскую, нас там ждут...
- Из города в пригород? Не возим по умолчанию!
- Мы заплатим.
- Так звоните коммерсантам – они отвезут.
- С ума сошли? За пять тысяч???

Вызвали коммерсов и вызвали нас – кто быстрее типа.
Те на полкорпуса обошли, но лечили мы, потому как бесплатны.

А им только за проезд заплатили.

– Ну попил месяц, так чё, помирать теперь? Какая, нах, абстенуха – мне с сердцем плохо...

Честно?

Вы должны нас целовать в жопу!

Принародно.

В День медика.

Хотя б одного – символически.

За то, что мы вас таких терпим.

И Гиппократ ни при чём.

Он бы тут сдулся.

На раз.

Только б его и видели...

Кстати, о Гиппократе – вот вам ещё цитатка: «Тот, кто лечит бесплатно, не ценит своё искусство. Тот, кого лечат, – своё здоровье. Не лечи даром, дабы не был пациент убеждён, будто то, что он получит без денег, ничего не стоит!»

Да-да – он, тот самый!

Непрост был, сучёньиш, да?

Эй!

Алё?

Ну чё смолкли-то?

Часть шестая

Реакция на ситуацию

Двадцать лет, с самого института, возил с собою набор: зажим, жгут, бинты, ампулы, воздуховод взрослый и детский – килограмма на полтора всё.

Двадцать лет.

Всегда.

Всюду.

На бл...дки шёл – брал, веришь? Выскакивал из автобусов, проезжал станции, на стрелки опаздывал – перевязывал, обезболивал, стенокардию снимал...

А вчера выложил.

Совсем.

Нет желания.

Стухло.

И вообще – налегке лучше.

«Лёжа в постели, Битеринг чувствовал, как внутри шевелится каждая косточка, и плавится, точно золото в тигле, и меняет форму».

Рэй Брэдбери

«Мир меняется. Я чувствую это в воде, я чувствую это в земле... вот, теперь уже и в воздухе чем-то

запахло. Много воды утекло, и всех, кто хоть чего-нибудь помнил, давным-давно замочили».

Перевод Гоблина

Грузовой лифт.

Всемером едем, кроме нас, ещё пятеро затесалось.

Каждый на свой этаж: остановка, другая...

– Люди! Когда будете ждать «Скорую» – а вы обязательно будете! – вспомните этот миг.

Ноль эмоций.

Каменные е...ала.

Истуканы с острова Пасхи.

А иной раз пытаешься лаской:

– Мужичок, – грянешь в микрофон посреди трассы, – вы чего на дороге-то озоруете? А ну как к вам едем или ваших везём?

Уж лучше б матом.

Кругом смеются, а ему ж обидно – и назло нам, назло...

Глухая ночь, подъезд, домофон.

Примчались, звоним.

– Кто?

Глухая ночь, повторяюсь, но, пока сюда гнали, они нас уже дважды уволили.

– Кто?

– Доставка пиццы!!!

– Что?

– БЛ...ДЬ, «СКОРУЮ» ВЫЗЫВАЛИ???

Ну и – ясен х...й! – выговор.

За неэтичность.

– Поехали, поехали к вам – встречайте, чтоб не искать им...

Полагаете встретят?

Вы крайне наивны!

Нет, иногда бывает, но так: вывалилась бригада, навьючилась – дефибрилятор, реанимация, кислород, а оно, сука, весит, оттягивает, в двери не пролезает...

Думаете помогают?

Вы крайне наивны!

«Больной лжёт!»

Хью Лори, сын лекаря

Артериальная гипертензия.

– Приняла капотен – не помог.

– Да? Ну, примите ещё один.

Помог, надо же!

Через неделю:

– Два капотена взяла – не снижает.

– Значит, возьмите третий.

Снизил.

Вызывает опять:

– Да что ж такое? Целых три капотена – как было, так и осталось!

– Да-а, беда! Вот вам четвёртая – запивайте.

Наука победила, но снова:

– Весь день капотен пью, четыре штуки – и хоть бы что!

– Что ж, пейте пятую...

– Что ты мне всё время таблетки суешь? Мои причём...

Укол давай делай!

Кандидозный стоматит.

– Пятый день лечимся – никакого эффекта. Поставьте ей капельницу... Не знаю, вам видней – вы ж доктор, не я...

Российский гений – включить дурачка и, войдя в образ, рвать ворот, захлёбываясь правотой.

– Ой, у нас такой ЛОР – что она есть, что её нет.

– Так сходите к другому.

– Где ж его найдёшь?

– Ну как где... Неделю на собаках, потом лодкой вниз по реке, из фактории вертолёт на Большую землю раз в месяц, а там спросите – всяк покажет...

Пожаловались, конечно.

Шестьдесят пять, высшее образование, четверть века с гипертонией.

– Чем сбивали?

– Как обычно: кефирчик, лимончик, клюковки пососал...

А одной лошади я пятый год пишу, что ей от давления принимать.

Квадратными буквами, чтоб понятней.

Чисто по приколу – всё равно ж ведь не купит!

Но спросить спросит.

Регулярно.

У неё моих цидулек – коробка.

Последний год даже не прячет.

Ввели лекарство, ждём результата.

– Возьмите по конфете, ребят.

– Мы не в том возрасте, дорогой. Мне сорок, коллеге моему пятьдесят – на ребят не похожи.

– Да ладно! Ребята – это чтоб дружеское отношение подчеркнуть.

– Без обид – меньше всего нам нужно ваше дружеское отношение. И потом, если б не мы к вам, а вы к нам приехали, вам бы эти «ребята» и в голову не пришли...

Обиделся, настучал.

Дескать, вылечить вылечил, но такой грубиян, такой грубиян...

Толкуют: выгорание, выгорание, а на деле – как выключили.

Р-раз! – и всё, шабаш, штыки в землю.

Нет боле резона облизывать это ох...евшее от потребительства сучье племя.

Безнаказанное.

«Я прихожу домой усталый и разбитый
и прям в одежде я валюся на кровать.
А завтра снова для капризных паразитов
мне спозаранку – будь я проклятый! – вставать».

Вилли Токарев

Перекрыл проезд и стоит, разгружается.

А мы с больным на борту.

– Слышь, дядька, нам выехать надо.

С разбегу!

– Жопой сдай, – кивок на грузчиков. – У меня счётчик тикает... Да хули ты гонишь – я сам водитель! Проедешь...

Время открывать ампулы.

– Дайте блюдце, пожалуйста. И стул.

– Ты чё, бл...дь, чай сюда пить пришёл?

Конфликт.

Осмотрев, посмел пересесть в кресло.

А оно, оказывается, на заказ.

Прямо аж из Италии.

Мужчина, тридцать восемь.

Наведалься к стоматологу, тот глянул:

– У-у-у! Челюстно-лицевой нужен...

И направление на руки.

Пришёл домой, вызвал: везите!

– Мужик, совесть имей! – повернулись и вышли.

Стукнул наверх.

На самый.

Приказали свезти.

Ещё и пи...дюлей навтыкали.

– Алё, отмените такси – меня «Скорая» отвезёт...

И глазами так: да?

Тело на тротуаре.

Ужратое в дым, битое... словом, классика.

Берём в салон, следом баба с пакетами:

– Куда его?

– В Тройку.

Усаживается.

– Вы родственница?

– Не, я там рядом живу – вам всё равно по пути...

Коллега.

Вежлив, спокоен – конфликты разруливать посылают.

Свистнули к телефону.

– Да?

Долгая пауза.

– Я понял. Это не экстренная ситуация, угрозы жизни не представля...

Долгая пауза.

– Пусть даже и ветеран...

Долгая пауза.

– Не грубите, пожалуйста...

Очень долгая пауза.

– Я дам номер ответственного, он скажет вам то же са...

Багровеет.

– Любезный...

Ещё попытка.

– Послушайте...

Никак.

– МЫ НЕ ЕЗДИМ НА ДОМ ОБРАБАТЫВАТЬ ПРОЛЕЖНИ!!!

И трубку в рогульки: н-н-на!
Аж телефон треснул.
Хорошо, их у нас несколько.

А как увольняют: ммм!

Песня.

Веско, уверенно:

– Всё, мля, козлина, ты больше тут не работаешь!

Диспетчеров особенно.

По телефону.

С безопасного расстояния.

Был в Польше.

– А пан кем работает?

– На «Скорой», врачом.

Не знали куда посадить.

Потом Словакия – и та же фигня.

Потом Чехия – и полное тождество.

Потом... что ж потом-то?

А!

Потом я домой вернулся.

– Слышь, врачиска, ты мне вот чё скажи...

– Ох, ни х...я ты пукнул, родной! Ничего не напутал, часом?

Вскинулся:

– А чё ты, на?

– А хули ты думал? Ты мне – врачиска, а я те – Александр
Иваныч?

Исход – жалоба.

На хамство.

Приехал, сука, такой весь из себя...

И хоть где-нибудь,

хоть когда-нибудь,

хоть бы одна бл...дь,

табуретку у кровати поставила!

Заранее.

Выходим с вызова – барышня.

– Поднимитесь со мной до квартиры – освидетельствовать кое-кого, на предмет опьянения.

– Пардон, это не к нам.

– Ха-а-арошенькая у нас «Скорая»...

Город в снегу.

Увязли, толкаем, боковым зрением – снимают на телефон.

Закончат – трубу в карман и дальше, своей дорогой.

Зависли на перекрёстке – не уступают.

– Хоть одна падла пропустит «Скорую» под мигалкой? –

В мегафон, громко. – Вы ж только и жалуетесь, что к вам едут долго...

Ой, зря!

До этого хоть глаза отводили, а тут услышали – и с чистой совестью: вот хотел пропустить, бля буду, но раз вы та-а-ак...

Мятая сторулёвка.

Ветхая, комканая – как из жопы!

– Да не стоит, оставьте.

– Бери-бери, это от чистого сердца...

– Ну долго ещё вашу «Скорую» ждать – я на работу опаздываю!

Говорят – сочиняю.

Наивняк!

Эльфы.

– Не нравится – валите двory мести!

Это куплет.

– Э, бля, «Скорая», чё так долго?

Это припев.

Русский народный.

Ментальность сменилась, потребительство торжествует, народ держит медика за халдея.

Дёрнут к бабке, ссаной и сраной: заберите, пахнет, достала! – и в залупу, когда откажешь.

Сунут просроченное направление: вчера не мог, хочу сейчас! – и рвут рубаху, услышав «нет».

Вызовут на фазенду: везите в город, у нас там свой врач! – и по всем каналам: ату их, ату!

Скажешь: ничего экстренного, самостоятельно к терапевту – и взрыв в блогосфере.

Мы, уверяют, налоги платим, нам вас, бляха, и танцевать!

А значит – на любой пук!

И доезжать за минуту.

И чтоб ещё руки по швам.

Понятно, нах?

Гиппократ, в нынешнем понимании это: мы творим, что хотим, вы – сглатываете.

Молча.

Ибо клялись.

Аполлоном, сцуко, целителем.

- Как же он с больным ухом в поликлинику-то пойдёт?
- Ногами.
- Норма-альна, мля! Чё аще за отношение, ёпт?

- То есть бахилы вы нам приготовили, а присесть доктору, полис и выписки из больниц – нет?
 - Вот только хамить тут не надо!
- Начало конфликта.

- Болеет месяц.
- Вызвал ночью.
- Поскандалил, что долго едем.
- Поскандалил насчёт бахил.
- Предложили стационар – поскандалил: не та больница!
- Наотрез отказался.

Вернулись – перезвонил: возите!

Квинтэссенция.

Халява, плиз!

Двадцать лет, девочка, герпес.

– У неё завтра свадьба... И что, это не экстренно?.. Коротче, можете что-нибудь?

Общаясь на вызовах, особо не церемонятся... сидишь, слушаешь:

– Так, родной, давай без бл...дей? И без пи...децов заодно.

И все в шоке – врач, а такой неинтеллигентный!

– Вы всегда в уличной обуви по коврам ходите?

Всегда.

Как менты.

И пожарные.

И военные во время войны.

Нападения на бригады.

Версии обвиняемых – как побасенки пациентов, тех самых, с предметами в анусе.

Один в один.

На полном серьёзе.

Возьмём нотариусов.

Важное дело – за хорошие деньги.

Выезд на дом – не бесплатно.

По мелочам не работает – счёт за воду хер вам заполнит!

Обматерил, ударил – статья.

И на «вы», волнуясь, обтирая потные руки...

– Так то нотариус, ёпт!

Верно.

Но уйдут нотариусы – никто не умрёт.

Упрекают за мат.

Вы же, говорят, врач!

Вы же интеллигент!

Бог с вами!

Я золотарь.

Работяга.

Ваше говно ловлю – на лету.

А на меня покрикивают.

Недовольно.

*«Скорая помощь»... угрозе жизни... экстренного вмеша-
тельства»*

Бес-пон-то-во!

На икоту вызывать стали.

– Я одинокая, мне поговорить не с кем.

– Ночью?

– Ну и что? Вы ж круглосуточно...

Повод к вызову: «Не уснуть».

Оно, конечно, уже привычно.

Но не в час дня.

«Ну пло-о-охо же!!!»

Н. Стрижак, телеведущая.

Новогодний похмел.

Уж казалось бы, да?

А пофиг – всё равно вызывают!

– Так вы чё, больничного не дадите? Тогда вызывайте мне участкового, а то ж я, получается, целый день пропустила... Нет уж, звоните сами – мне от сегодняшнего числа нужен...

– На приём? К терапевту? Чтоб я там в очереди сидела?
Прямым текстом.

– А я не знал, что с этим мне в поликлинику...
И ресничками этак: хлоп-хлоп, хлоп-хлоп!

Больна неделю.
Участкового не звала.
Лекарств не пьёт.
От укола отказывается.
В больницу не едет.
Какого х...я?
– Вы мне просто скажите, что у меня...

Суть времени: вызвать не потому, что *надо*, а потому, что *могу*.

«...принимая участие в акции, связанной со спасением белых медведей, Александр Ревва и Татьяна

Геворкян фотографировались с дефибриллятором, а для того, чтоб воспользоваться им, пришлось вызвать карету «Скорой помощи».

Газета «Метро», 20 октября 2011, стр.14

Так и просится:

Сидят, курят, молчат – дым слоями, глаза в пол у всех...

Наконец со вздохом:

– Ничего не поделать – придётся.

И, затоптав окурки, тянут спички из кулака.

Древние были умней, почитая учителей, врачей и военных. Понимали – больных, беззащитных неучей сомнут первым набегом. А вы плодите чуму, ибо полно вокруг стран, которым мы поперёк горла... Короче, горе побеждённым! Слыхали?

Перекуривал с терапевтом у поликлиники.

– Бл...дь, не могу! Смотришь обстоятельно – жалоба: долго ждём! Смотришь на отъе...ись – с говном едят! Объяснительными зае...али!

Пересеклись через пару лет – послал всё на хер, закончил курсы, работает на бульдозере.

Доволе-е-ен!

Не пропустив, въе...ашила в борт.

Выбросило в бетонный забор, «Газель» в говно, сами чудом, а через час с экранов: «Скорая» виновата!

Знаки, видеокамеры, регистратор – пох...й! Без сигналов, говорят, по встрече, обкуренные...

Звоним: вы чё творите?

– А вы кто? Со «Скорой»?

И кладут трубку.

Приёмный покой.

Заехал на тачке, вышел: я ненадолго!

– Мужик, тут «Скорые» заезжают.

– Я ненадолго.

– Мужик, бл...дь, проезд перекрыл!

– Да я ненадолго...

Сидит на кухне, жрёт водку.

– Мерь мне давленье! – набычась, не глядя, жуя-глотаю.

И так лет десять.

Наконец помер.

Праздник, складчина, шампанское по стаканам:

– Ну, земля ему стекловатой!

«Погодите, медведь, не ревите.

Объясните, чего вы хотите?»

Терминальная онкология.

Без вариантов.

– Да мы понимаем... Конечно... Уже родственникам позвонили...

И ещё два раза туда же.

– Да мы понимаем... Такой диагноз... Сделайте ещё что-нибудь...

В четвёртый раз – с констатацией.

Зашли, а там очередь: измерь давление, нацеди корвало-лу...

Суббота.

Родительский день.

Подъезжают к полудню и ну звонить

Приедешь:

– У нас мама, ей надо кардиограмму...

– А кровь на сахар? Я знаю, вы делаете...

– Вот посмотрите – тут эндокринолог в карточке написал...

Встречают в верхней одежде, с баулами и пледами.

– Наконец-то! Везите нас на Учебный, мы там договоримся...

Направления нет, участковым не заморачивались.

– Мне надо вас осмотреть.

Раздражение.

– Ну мы же уже одеты!

– Я должен вас осмотреть, понимаете?

Срывают, разматывают, кто-то в комнате ретранслирует происходящее неведомому абоненту.

– Ну всё? Едем?

– Минутку. Мне надо узнать куда.

– На Учебный, мы ж вам сказали. Везите, мы там договоримся.

– А если нет? Нам что, стоять ждать?

И разверзается ад.

Пытаешься объяснить:

– Понимаете, друг мой...

И тут же:

– Я вам не друг!!!

Возмущённо.

С негодованием.

Как посмел только?!

А дальше так:

– Сколько вам?

Лопатник пилоткой, два пальца выбирают купюры.

– Нисколько. Мы на деньги не набиваемся.

Ладони к вискам, потом потрясти ими в воздухе.

– Нет, я первый раз таких вижу! Что за хамство вообще?

– Возьмите трубку.

Ищи дурака!

Обвинят в попытке украсть, ещё и отпечатки предъявят.

Бережно сохранённые.

Плавали, знаем!

Функция начальства – контроль исполнения должностных инструкций.

Да х...й там!

Звонят и дают, вынуждая их нарушать.

«– Вы должны принять меры, или я подниму в ружьё армию!

– Армию?

– Ну бригаду».

X/f «Приключения принца Флоризеля»

Генералы в отставке.

– Отвезёте меня туда, куда я скажу...

Пофиг, что не дежурят.

Пофиг, что не по профилю.

Вынь да положь!

И звонят куда-то, звонят, матерятся...

«Мужчина, двадцать четыре, температура 37,1,
бабушка волнуется...»

Повод к вызову.

И о температуре.

Телевизоры в каждой комнате и на кухне.

В телевизорах: «Колдрекс», «Нурофен», «ТераФлю».

Жаропонижающие?

Не-а, не слышали!

Гневные праведники.

Безгрешные блогеры.

Адепты мантры «ху-ли-но-ешь-у-воль-най-ся».

Скрестите пальцы да восславьте Бога за то, что не переводятся у него те, кто тянет эту поганую ляжку – не за чины, блага и казначейские билеты Госбанка РФ, а ради тех, кому на сей момент реально не до бахил. Плюньте через плечо, дабы в час инфаркта прислал Он вам прокуренных молчунов, кои впрягутся за вас как за родного – и не до рамок, оговорённых инструкцией, а куда дальше. Постучите по дереву, чтоб через минуту после вашего дебюта в роли пострадавшего в ДТП, они бы летели к вам, а не ругались с тупой пи...дой на предмет кровавых мозолей от новых туфель да не бодались бы во дворах с распальцованным иномарочником.

Скрестите пальцы, бриллиантовые вы наши.

Скрестите, яхонтовые.

И не искушайте Создателя, а то ж ведь он того... пошутить любит!

Часть седьмая

Смерть в присутствии

Что же мне всё это напоминает?

Где я всё это видел?

Смерть в присутствии – вот!

Скажем, помирает кто-то в районе – долго, мучительно, – и звонит родня ежедневно: а ну как приедет Иисус: встань, скажет, возьми постель и ходи? И вот уж диспетчер тебе лишь фамилию, поскольку адрес ты и так помнишь; и по смене передают: нынче законстатируете, и в конце концов приезжаешь на агональное. Делаешь рожу поучастливей, колешь чего-нибудь для видимости а пациент отваливает челюсть – и понеслась душа в рай!

Вот и со «Скорой» так же.

На подвздохах она.

Но вокруг ходят профессора и, надеясь на гонорар, обнадёживают, обнадёживают, обнадё...

«– Они все фантазёры, наши шефы. Они могут себе это позволить – у них нет конкретной работы».

Броневой-Мюллер

«Дай дураку стеклянный х...й – он и х...й разобьёт,

и руки порежет».

Народ-победитель

Начальники тешатся.

У них игра.

«Оптимизация» называется.

Типа «Монопольки», только онлайн.

Сидят, отжигают – задорно, с азартом, глаза горят...

Загляденье!

Реформаторы не спецы – в нюансах не шарят.

Ибо экономисты.

А им – выгода.

Табаш.

Рентабельно-нерентабельно.

Металлические присоски для кардиографа.

Резина, конечно, поэластичней и присасывается не в пример... ну да хрен с ней!

Зато экономно.

Неотложные «Волги».

Носилки под потолок, больной носом в крышу... а как ка-
пать?

А как хотите!

Допетрили.

Руку с капельницей в окно и: *н-но, залётные, фортисси-
мо мамма миа!*

А чтоб не мёрзло – поверх рукав от тулупа.

С номером.

Чтоб по смене передавать.

Расфасовать адреналин на дозы и закатать по шприц-тю-
бикам.

Х...й там!

Реанимация.

Цейтнот.

Золотые секунды.

Чпокаешь ампулами, набираешь; чпокаешь, набираешь...

Не липкий пластырь – слышали?

Не капающая система¹²?

Протекающие флаконы?

А как называется, знаете?

Т-е-н-д-е-р.

Тендерные комиссии.

Наши пишут: кардиограф такой-то, параметры – те-то.

А всё, кроме «кардиограф», вычёркивают: жрите, мол, что дают!

Серьёзно, они сами обмолвились.

Но – как соревнуются:

¹² Система (жарг.) – капельница.

– Мы Центр открыли...

– А мы поликлиник штук пиисят...

– А мы – вот!

– А у нас круче!

Ещё бы персонала туда.

Помимо директоров да заведующих.

Допуск к наркотикам.

Когда-то – кабинет в отделе на Чехова.

И делали за неделю.

Теперь – Пентагон посреди Москвы, а допуск через пол-года.

Не раньше.

Отработанные шприцы велено привозить обратно.

Чтоб нарки, найдя их в помойке, не ровен час не воспользовались.

Гениально!

Теперь, бя, у них точно руки опустятся.

А участковый на адресе ставит диагноз без ЭКГ, который «Скорая» – с кардиографом! – отменить не имеет права.

Дежурство на мероприятии.

Пасха, гуляния, лыжный забег – стоишь и пасёшь: ну а мало ли?

Только что в кинотеатры не посыла... упс!

Тихо!

Наверх ни слова.

С них станется.

Один звонок – один выезд.

Политика руководства.

Само при этом жалуется на непрофильные вызова.

С экрана.

Так что тянет сказать по-арабски:

– Биляди!¹³

Сдавать кровь за идею.

Сверху решили: сытые, холёные, летающие лечиться в Германию.

Где с кровью орднунг – знают, буржуи, как донора покупать!

«Всяк гондон мнит себя дирижаблем».

Меткое наблюдение

Пришли с проверкой.

Такие, что прямо – ух!

Стоять-бояться, короче.

Берут журнал:

– Вы что, сутки работаете?

Взаимный ахуй.

¹³ Биляди (араб.) – Родина.

Прострация.

Как у землян с гуманоидами.

«От тильки нэ пи...дитэ!»

Фольклор небратьев

Сменили министра.

– Хвала аллаху! – возликовали. – В кои веки спеца
назна...

А та всем:

– Ни мне, ни моим коллегам ни разу не предлагали денег!

Жаль она медицинского «у-у-у» не слышала.

Всероссийского.

Диалог с руководством?

Ай, бросьте!

Человек в галстукe – враг!

Как бы убедительно ни кивал.

Какой бы харизмою ни сочился.

Начальство, похоже, всё ещё в социализме живёт.

Со «Скорой» как от холеры, а оно знай «да хоть все уволь-
тесь!» поёт.

А я придумал рецепт.

В духе времени.

*В словосочетании «скорая медицинская» изъять пер-
вое слово.*

Ну клёво же, да?

*Одним махом кучу проблем... а главное – не придрать-
ся!*

Раньше фельдшерá в паре работали.

Теперь – шиш!

Все машины должны быть закрыты, иначе что ж?

Реанимация.

Цейтнот.

А рук – две.

Сидишь, тупо качаешь, готовишь очко:

*– Где венозный доступ? Где инфузия?? Не интубировали
почему???*

«...качество оказания медицинской услуги «реанимация».

Бл...дь, кто-нибудь, ущипните меня!

Пригородные удивили.

Они, карту вызова написав, ещё и в компьютер её вбивают, собственноручно.

А что, удобно: сгорел комп – осталась карта, прое...ут карту – смотреть комп.

Ещё б камнетёсов им подогнать, чтоб уж совсем на века.

Коллега-фельдшер.

Пришла из пригорода, рассказала:

– Сижу на инфаркте, одна, тут звонок: так, ноги в руки и на трассу – ДТП массовое.

– Так у меня ж инфаркт!

– После вернёшься, мне послать некого...

А ещё к нам из Новгорода ездят.

На маршрутках.

В три подъём, в четыре посадка, в пути досыпают, к восьми в Питере.

Десять смен в месяц.

По-любому, говорят, больше выходит.

Не, на периферии, по ходу, ваще чума!

Их в детский стационар могут вызвать – взрослым помощь оказывать.

Отправили на учёбу.

Берёшь расписание: кровоизлияния в мозг, спинальная травма, судороги у детей...

И ни словечка о «расстроилась – уколите фенозепам»,

«чешется дерматит» и «шишка на пальце – недели три как».

Верите?

Ни словечка!

А меж тем приказ тот же: ПРИНИМАТЬ ВСЁ!

План по больным.

Бля буду!

План по больным – вот не сойти с места!

Восемьдесят вызовов.

В сутки.

На шесть бригад.

Чаще – на пять.

Случается, на четыре.

Бывает – спаси, Христос! – и на три.

Как хо-ти-те!

И ниипёт!

Реанимация.

Получилась успешной, расписана от и до – чин чинарём,

без помарок... ой, бля-а-а!!!

Подписаться забыл.

Всё, пи...дец, не оплатят.

Страховая компания не пропустит.

Хорошо, если не оштрафует.

– Паспорт-полис, пожалуйста.

– А у меня нету.

Значит, неоплаченный вызов и минус в получку.

– Ой, я не помню, где он...

– На той квартире оставил...

– Ты лечи давай, а не бумажки требуй...

Всю смену проездить можно.

За так.

– Не, в больницу я не поеду...

Чуть ли не па-де-де сплясали – не едет, сука!

И названивает: мне опять плохо!

А уж нам-то как – за повтор нынче тоже не платят.

«— Кто он, этот патэрпевший? Куда он пошёл? Я его,
говорит, первый раз вижу!»

Вышел за хлебом в трениках, завалился: ни документов,
ни полиса – знай, хрипит в коме...

Спасти?

Не вопрос!

Даром?

Ничего не попишешь.

Помрёт?

Вые...ут.

В рот и в нос.

За-бес-плат-но.

План по больным.

Я серьёзно!

Невыполнение – штраф, потому и гребём всё подряд.

Но и выполнение – штраф.

От страховщиков: берёте непрофильные вызова́!

Так что вот.

Сцилла с Харибдой.

Одиссей тут не то, что курит – ваще сосёт!

Интересно, а смерти в план входят?

Так, чтоб:

– Доктор, но ведь он ещё жив!

– Извиняй, братуха, он в плане!

Задача для поступающих

В России 13 800 бригад «Скорой помощи». Себестоимость одного вызова составляет 3000 рублей. Каков годичный убыток бюджета Российской Федерации, связанный с выездами на непрофильные вызова, при условии, что процентное соотношение их достигает 60 %, а среднее число обслуженных вызовов равняется 15 на одну бригаду за одни сутки?

Панариций из поликлиники в стационар.

На «Скорой», естественно.

Поначалу – VIP, а теперь вот и простым смертным...

И возражать не могли – высекут.

А пациент всё раскрепощённой.

– Чё, бл...дь, ваще о...уели? Сколько вас ждать можно?

И про оптимизацию не начнёшь – не поверят.

Эх, знать бы, кто у истоков...

Гений демотивации!

Словом, война.

В натуре.

Медик – нелюдь, уже все знают.

Нелюдь – к стенке!

Тем, кто ещё цел, – лечить, не вякать, ждать очереди.

А патроны и м командиры наши толкают.

С уговором: в них не стрелять!

– Внимание! Приготовились!! ИСПРАЖНЕНИЕ НА-
ЧИ-И... НАЙ!!!

Конфликтная ситуация.

Освещение в прессе.

Камера!

Мотор!!!

Ведущий с ходу:

– СОРОК ПРОЦЕНТОВ вызвавших «Скорую» умирают,
не дождавшись приезда...

Массовка – нам:

– А-ах, суки! Ну вы и суки!!!

Что и требовалось.

«– Нисево, насяльник, веселись! Веселись,
насяльник!»

Кирпич-Сапрыкин

Комедианты с фиглярами.

Наденут синее, возьмут ящик и тешат народ за столиками.

Рвут, так сказать, пуп за рублишки.

И правду-матку о нас, правду-матку!

К одному такому уже съездили – тих был, смущён, винил-ся...

Телезвезда клеймит неотлогу.

В хвост и в гриву.

Главным делом за отношение к старикам.

– Вот к моей маме...

И у неё были: запущенная старушонка в заброшенной комнатёнке.

Хер с ним с ремонтом – уборочку генеральную можно сделать?

У мамы.

Раз в месяц хотя б.

– Я после операции...

– У меня спина...

– А где санитары ваши?

– Чё, ваще, что-ли, е...анулись?

Это на просьбу лежачего отнести.

А увидят видео, где его волоком, и ярость благородная чисто волной вскипает!

Сели в салон после смены – подскочить до метро, а в пути тормозят.

Гайцы с рожами виноватыми, и репортёров целый кагал – как же, такой свежак, «Скорая» развозкою занимается!

Вспышки, телекамеры, микрофоны...

Объективы, телекамеры, вспышки...

А сейчас им наш имидж улучшать велено.

Своё же говнище позолотой покрыть.

Полагаю, управятся.

Право, не привыкать.

Два сценария

I

Командированный журналист.

09:00 – Немного скован, осваивается.

09:30 – Попил чаю, освоился, спрашивает о зарплате.

10:30 – Съездил на вызов, вернулся. Совсем свой, спрашивает, что сюда привело и что держит.

12:00 – Сделал ещё два. До х...я свой, спрашивает про вредность, уверяет, что до утра с нами.

13:00 – Госпитализация. Охренев от приёмника, спрашивает, везде ли так?

13:30 – Срыв с обеда. Удивлён. Болтает, интервьюируя пациента – клише, пафос, бригаде неловко.

14:30 – Срыв с обеда. Обескуражен. Спрашивает, всегда ли так, пытаюсь интервьюировать пациента, посылаюсь оным на х...й. Задет, но, сломав себя, сдерживается.

15:30 – Срыв с обеда. Удручён. По окончании вызова, демонстрируя бывалость и на правах своего навязывает ка-

фешки, где вкусно кормят.

16:00 – Обед. Абсолютное соло: где был, что видел, из каких переплётов выходил с честью. Отдельно – о тех, с кем знался. Многословен, бодрится, восхищён стойкостью персонала.

21:00 – Черeda асоциалов, ханыжных интерьеров, тяжёлой органолептики, вздорных поводов, склочных родичей, прокуренных РУВД и забитых стационаров. Энтузиазм спал, уже не пылает, спрашивает о профильных вызовах. Ответ, что, может, ещё и будут, огорчает и не устраивает. Поражённый одержимостью сотрудников, пребывает в явном недоумении.

21:20 – Ужин. Слегка расслабились, наладились балагурить. Вклинивается и мешает, вываливая приколы про журналистов. Досады не замечает, вежливое молчание воспринимает как одобрение.

21:40 – Всем по вызову, плюс штук пять на задержку. Неожиданно собирается – писать статью. Блеет про свежее впечатление и что нужно ещё съездить в сервис, забрать ноутбук. Суетится, восхищается, благодарит, съё...ывает.

Статья выходит о жизнерадостных мудаках.

II

Проверка сверху.

Sine ira et studio.

Возбужнув, – где наши деньги? – пишем письмо.

Прикатывает комиссия.

Один день в бухгалтерии – там всё зае...ись, честно!

Потом неделю на станции: эпидрежим-сумочная-журналы-что-в-тумбочках?

Под конец соберут: уволить бы вас к х...ям, да заменить некем – живите, суки!

Старшему – по рогам, райздрав – молодца, остальным – премию.

И отбывают.

P.S. Можно повторить, если давненько не поощряли...

Нас порицают, взрывая блоги, и жгут глаголом, горячие как огонь, с гуманитарным, в массе, образованием, позволяющим иметь суждение о явном и скрытом.

И они правы.

Ей-богу!

Во всём.

Хорошо будет, если грядут к нам эти пламенные сердца, ибо только они – о, ветер сметающий гниль! – вернут человеческое в попранное наследие Гиппократа.

Приходите!

Санитарами.

А то ж ведь они у нас ещё на рубеже веков кончились.

Дело нехитрое: подай, поддержи, принеси, сбегай... ну и носилки, само собой.

Деньги?

Кхм...

Кхм!

Я, право, не ожидал... нет-нет, ничего, конечно.

А как же!

Конечно!

Тысяч десять.

И премии рублей триста...

Так как, придёте?

Ну обещайте: придёте?

Дерзните, попробуйте.

А то ж к нам, сцуко, даже таджики не ломаются!

Выписной эпикриз По собственному желанию

*«— Что? Мне?? Уйти из авиации???»
Анекдот об аэродромном ассенизаторе.*

*«У нас нет ни имён и ни званий,
мы для многих – двуногий скот,
но тому, кто моряк по призванию,
Королевский не бросить флот».*

Старая английская песня

Я отравлен.

Отравлен насмерть.

Этой заразой по имени «Скорая».

Она в крови, в биохимии, в обмене веществ... уволившись в мае, к августу уже всматриваешься в лобовые: кто едет: наши – не наши?

Они, собаки!

И сразу: надо бы выходить, нагулялся, пора и честь знать...

И выходишь – отгладив форму, чтоб через сутки превратишь её в прокуренный, залитый чужой органикой ком; готовый к «слышь, э!», «кароч, ребят» и «у наркологов, нах...й, дорого»; готовый ехать на «мужчина,

девятнадцать, болит рука» и бегать, бросив больного, по этажам, ища соседей-носильщиков взамен сытых, инертных, тешащих свою значимость домочадцев. Выходишь, чтоб хотя бы раз в сутки кинуть коллеге дивную в своей патологии ЭКГ: зацени, мля! Чтоб с напускной зевотой на раз катетеризировать бедренную, пока бедняга-фельдшер, вспотев, порет остриём нитки вен. Чтоб увидеть веру в безумных глазах вытащенного из-под колёс когда, воркуя, стягиваешь его, расползающегося, тут же алеющими бинтами. Чтобы... о-на! Да, слушаю... Ёпт!.. Да пишу-пишу, говори... Принял... От сука, а?

Чё там?

Шестьдесят пять, мадам, плохо с сердцем.

Блин, обед ваще дадут или как?

Или как, или как. Едем!

Постскриптум

– Что-то вы больно молоды.

Настороженно, из-за цепочки дверной.

– Не, езжайте. Я позвоню, чтоб кого опытнее прислали...

Хроники неотложного

События – реальные, образы – собирательны, имена – вымышленны, и всякое совпадение – не более чем случайность, ответственности за которую, уж как водится, автор никоим образом не несёт.

«Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, Несбывшееся зовёт нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов. Тогда, очнувшись среди своего мира, тягостно спохватываясь и дорожа каждым днём, всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинает ли сбываться Несбывшееся? Не ясен ли его образ? Не нужно ли теперь только протянуть руку, чтобы схватить и удержать его слабо мелькнувшие черты?»

Между тем время проходит, и мы плывём мимо высоких и туманных берегов Несбывшегося, толкая о делах дня».

Александр Грин

«Люди заблуждаются. Лучшую часть своей души они запахивают в землю на удобрения. Судьба, называемая обычно необходимостью, заставляет их всю жизнь копить сокровища, которые, как сказано в одной старой книге, моль и ржа истребляют, и воры, подкапываясь, крадут. Это –

Лето

(Предисловие, которому на самом деле место совсем не здесь)

Ночь. Прохлада. Зарев и огни. Площадь, пылая иллюминацией, крутит водоворот, вытягивая из переулков потоки людей. Дымы. Барабаны. Запах мяса и запах специй. Рокот, звяканье, ноющие мотивы, шум толпы стереопанорамой. Фасады медины¹⁴, угловатый минарет между звёзд.

Плоская крыша. Чай, сигареты и липкие, блестящие сладости. Ледяной сок. Апельсины. Дымок гашиша с соседней кровли и строчка из «Marrakesh Express» нараспев – израильтяне из Хайфы, совсем юные. Палят свечи, тянут по кругу экзотическую самокрутку.

Внизу – свет. Столы. Сияние. Лампы. Горы еды: кускус, танжин, харира... Дух приправ до самой до стратосферы. Кольца народа, перкуссия, восточные унисоны. Скулёж дудок. Хлопки в такт, дребезг жестянок. Скрип рассказчиков, хохот, аплодисменты.

И мы наверху. Выше всех. Место на крыше без душа и

¹⁴ *Медина (арабск.)* – старая часть города.

завтрака, двадцать дирхамов за всё про всё. Душистая «Касба» без фильтра, аромат местных травок из кружки, тонкая терпкость масла на смуглой коже. Искры смеха в глазах. Рюкзак подушкой, спальный мешок для двоих – недоступная для большинства дешевизна.

Полночь. Толпа густеет. Гул, блики, треск мотороллеров. Тягучие песни, гортанные выкрики, рулады от зазывал...

Марракеш. Джамаа-эль-Фна. Обжигающий август, звёзды, анриал происходящего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.